

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ («РОПРЯЛ»)**

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

Выпуск 36

Санкт-Петербургский государственный университет
Ассоциация преподавателей русского языка и литературы («РОПРЯЛ»)

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

Выпуск 36

Санкт-Петербург
2025

УДК [811.161.1:37.02](063)

ББК 81.2 Рус-9

Р89

Редакционная коллегия

д-р филол. наук, проф. *Е. И. Зиновьева* (СПбГУ),
д-р филол. наук, проф. *Н. А. Любимова* (СПбГУ) (отв. ред.),
д-р пед. наук, проф. *Л. В. Московкин* (СПбГУ),
д-р филол. наук, проф. *Т. И. Попова* (СПбГУ),
д-р филол. наук, проф. *К. А. Рогова* (СПбГУ),
канд. филол. наук, доц. *М. С. Шишков* (ШУИЯ) (отв. секр.)

Р89 **Русский язык как иностранный и методика его преподавания:** сб. научн. тр. Вып. 36 / редкол.: *Е. И. Зиновьева, Н. А. Любимова* (отв. ред.), *Л. В. Московкин* и др. — СПб.: РОПРЯЛ, 2025. — 94 с. — EDN ZCVTLE.

ISBN 978-5-6045236-8-1

ISSN 2499-9903

Сборник содержит статьи, посвященные актуальным проблемам изучения языка и речи в аспекте РКИ, вопросам соотношения языка и культуры, анализу текста, а также теории и практике обучения русскому языку как иностранному. Основу 36-го выпуска составили работы, выполненные начинающими исследователями совместно с их научными руководителями.

ББК 81.2 Рус-9

ISBN 978-5-6045236-8-1

ISSN 2499-9903

© Коллектив авторов, 2025

© РОПРЯЛ, 2025

Андреева Софья Вадимовна,
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
sonyandre3va@yandex.ru; n.bogdanova@spbu.ru

ПАУЗЫ ХЕЗИТАЦИИ В ХОДЕ СПОНТАННОГО ЧТЕНИЯ: ФУНКЦИИ И ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ)

Статья посвящена описанию физических пауз хезитации (ПХ) в монологах неподготовленного чтения русского текста носителями китайского языка. ПХ рассматриваются как одно из наиболее распространенных хезитационных явлений, свойственных спонтанному речепорождению на любом языке. Чтение признается в работе таким же типом спонтанного монолога, как пересказ, описание изображения и рассказ на заданную тему. Проведенный анализ позволил выявить как функции ПХ (поиск подходящей единицы, реакция на сделанную ошибку и т. п.), так и возможные причины их появления в русской речи инофонов (незнакомое слово, незнание акцентуации слова, фонетическая трудность и т. п.).

Ключевые слова: спонтанный монолог; неподготовленное чтение; хезитационное явление; пауза хезитации.

Введение

На протяжении долгого времени внимание лингвистов было сфокусировано на изучении кодифицированной литературной речи, существующей преимущественно в письменной форме, — изучении и описании литературно-письменного языка. Однако со второй половины XX века все больше стала осознаваться значимость живой разговорной речи, которая является первичной по отношению к другим формам существования языка. Одним из свойств, характерных исключительно для устной речи, можно признать различные типы *хезитационных явлений* (ХЯ)¹. В перечень ХЯ входят, в числе прочего, и физические *паузы хезитации* (ПХ) (отсутствие всякой фонации), часто возникающие в процессе продуцирования устной речи и синтаксически никак не обусловленные. Основной причиной возникновения подобных явлений представляется главная особенность живой устной речи, отличающая ее от письменной формы языка, — временная ограниченность, необходимость думать и говорить одновременно, что вызывает у говорящего колебания при

Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ (шифр проекта 124032900006–1)

выборе наиболее лексически или грамматически подходящих единиц, в связи с акцентологической и в целом фонетической неопределенностью или же в связи с экстралингвистическими факторами.

Исследование ХЯ, в том числе ПХ, представляется не только важным направлением развития *коллоквиалистики* — раздела языкознания, специализирующегося на изучении живой устной речи², — но и значимым аспектом расширения лингводидактической базы в сфере преподавания русского языка как иностранного (РКИ), поскольку хезитации в русской речи иностранцев (речи на неродном языке) имеют специфику и по причинам их возникновения, и по функциям в монологе. Данные тенденции можно проиллюстрировать на примере монологов *спонтанного чтения* (осуществленного без предварительной подготовки, т. е. *неподготовленного*) русского текста носителями китайского языка. Корпус монологической устной речи САТ («Сбалансированная аннотированная текстотека»)³ содержит 20 записей монологов данного типа с расшифровками, которые и послужили материалом для проведения настоящего исследования.

Методика анализа материала

Обращение к исследованию пауз хезитации с точки зрения причин их появления и особенностей функционирования неизбежно выявляет две трудности. *Во-первых*, с первого взгляда не всегда можно определить природу анализируемой ПХ: она может быть вызвана как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами, а анализ последних выходит за рамки настоящего исследования. *Во-вторых*, порой сложно понять, какое слово — предшествующее или последующее — становится мотивирующим для появления ПХ в потоке речи. Чтобы избежать подобных неточностей при анализе, стоит обратиться к следующей методике определения природы ПХ и мотивирующего ее появления слова. При рассмотрении конкретной ПХ необходимо обратить внимание на три параметра.

1. *Частотность употребления ПХ* в одном и том же контексте. ПХ, вызванные лингвистическими причинами, возникают в речи информантов не случайно, а закономерно, следовательно, частотное появление физической хезитации в одном и том же контексте в монологах разных информантов позволяет говорить о том, что причина этого кроется в той или иной языковой трудности, а не во внешней обстановке или особенностях конкретного говорящего. Кроме того, частотность появления ПХ в контексте одного и того же слова в разных частях монолога свидетельствует о том, что именно оно, а не рядом стоящее мотивирует появление анализируемой ПХ.

2. *Наличие других ХЯ*, сопровождающих реализацию контекста, в котором находится исследуемая ПХ. Наличие именно языкового затруднения подтверждается рядом других ХЯ, помогающих говорящему осуществить выход из ситуации *речевого сбоя*⁴; а наличие ХЯ вокруг одной словоформы свидетельствует о том, что именно она вызывает у информанта особые затруднения, для устранения которых он неизменно использует широкий арсенал различных хезитаций.

3. *Объективный уровень сложности слов*, входящих в контекст реализации анализируемой ПХ. С одной стороны, уровень сложности может свидетельствовать о наличии лингвистических проблем, ставших причиной возникновения речевого сбоя; с другой стороны, наличие и количество сложностей в определенной единице могут стать основанием для отнесения ПХ именно к этому слову. Объективировать такой параметр, как сложность, можно с помощью обращения к лексическим и грамматическим минимумам РКИ⁵. В качестве примера рассмотрим следующий контекст (табл.):

- (1) *ы-н [поприлич... по-опри... поприличнее] одеться*⁶.

Таблица
Определение природы и мотивирующего слова ПХ

Параметр	Обоснование лингвистичности природы появления ПХ	Определение мотивирующего слова
Частотность	В 18 из 20 спонтанных монологов китайцев (90 %) словоформа <i>поприличнее</i> привела к речевому сбою, что свидетельствует о неслучайном характере появления ПХ в данном месте, а следовательно, о лингвистичности ее природы.	В других контекстах слова, однокоренные с лексемой <i>одеться</i> , никаких речевых сбоев у говорящих не вызвали: – <i>бегу скорее переодеваться / надеваю рубаху</i> , – <i>надел я эту ру-убаху</i> , – <i>и-и надевай свою рубаху</i> . Это свидетельствует о низкой частотности появления ПХ в контексте слова <i>одеться</i> .
Цепочки ХЯ	Наличие цепочки ХЯ (вставка неречевого элемента <i>ы-н</i> , ПХ в препозиции, обрыв слова, повтор, растяжка гласного) при слове <i>поприличнее</i> свидетельствует о том, что именно оно вызвало у говорящего затруднения, которые информант устраняет с помощью широкого ряда ХЯ.	Слово <i>одеться</i> никаких затруднений у говорящего не вызвало.

Параметр	Обоснование лингвистичности природы появления ПХ	Определение мотивирующего слова
Объективный уровень сложности	Сложная морфологическая структура слова <i>поприличнее</i> (форма сравнительной степени наречия, образованная префиксально-суффиксальным способом), а также отсутствие его в лексическом минимуме РКИ-С1 ⁷ , свидетельствуют о возможности возникновения лингвистической трудности для говорящего.	Слово <i>одеться</i> с морфологической точки зрения трудностей у говорящего не вызывает.

Предлагаемая методика позволяет произвести выборку лингвистического материала для более детального анализа. Исследование проводилось на материале только тех контекстов, для которых представилось возможным установить лингвистическую природу ПХ, а также мотивирующее слово, ставшее причиной появления данной ПХ в речи говорящего.

Результаты анализа.

Причины появления паузы хезитации

Причины появления ПХ в спонтанном чтении инофонов чаще всего имеют комплексный характер, т. е. затрагивают одновременно несколько уровней языка. Их можно охарактеризовать как *лексико-фонетические*, поскольку возникновение речевых сбоев в условиях реализации данного коммуникативного сценария обусловлено трудностями на лексическом и фонетическом уровнях, причем в их взаимодействии. Работу этого механизма можно описать следующим образом: при чтении первичного текста говорящий встречает незнакомую лексему, вызывающую трудность не только для распознавания ее семантики, но и для произношения. Например, наиболее частотной причиной возникновения ПХ в речи инофонов на фонетическом уровне является артикуляционная трудность, вызванная действием межъязыковой фонетической интерференции. Дело в том, что русскому языку свойственны многие фонетические явления, которых нет в китайском, в связи с чем китайцам крайне сложно воспроизводить многие единицы за отсутствием необходимых слухопроизносительных навыков. Одно из таких явлений — стечение в русском слове двух и более согласных, чего не может быть в слоговом китайском языке, ср.:

- (2) *всего* [и *разговору* [дву-г... э-э дву-гри-вЕнный двугривЕнный⁸;
- (3) *ву* [к-ы [п~~ра~~чке;

- (4) *кы-ы* [*прачку*;
- (5) *побе...побежал кы* [*прачка*;
- (6) *н-н давЕча я-я* [*бух-галтеру*] *стирал*;
- (7) *н-н давЕча я-я* [*бух-галтер*] *я бух... бухгалтеру*] *стирала*.

Сталкиваясь с цепочкой следующих друг за другом согласных (консонансом), информант берет незапланированную паузу либо с целью их разрежения, устраняя тем самым трудность слитного произнесения группы звуков, либо с целью обдумывания стратегии верной звуковой реализации. Наличие трудности произношения консонанса подтверждается фактом использования таких ХЯ, как *вокализации* (э-э в контексте 2), *обрывы слова* (2, 7), *скандирование* (2, 6, 7), специфической функцией которых является разрежение ряда звуков при возникновении артикуляторного неудобства произношения, а также *огласовка* конечного согласного предлога перед словом, начинающимся с согласного (3, 4, 5). Важно подчеркнуть, что и в этих случаях ПХ в речи китайцев появляются в контексте именно незнакомой лексемы. Это можно объяснить тем, что произнесение слов, входящих в активный запас информантов, доведено ими почти до автоматизма, почему у них и не возникает необходимости обращаться к инструментарию из числа ХЯ. Для сравнения можно обратиться к анализу реализации информантами слова *воскресенье*:

- (8) *в воскресенье* у нас / *вечери-инка* / *предстояла*;
- (9) *в воскресенье* у нас *вечеринка* / *пред-стояла*;
- (10) *в воскресенье* у нас *вечеринка* / *предтосяла*.

Как видно из контекстов (8–10), слово *воскресенье*, несмотря на наличие стечения согласных, не вызывает у говорящих речевого сбоя, что можно объяснить вхождением данной единицы в лексические минимумы РКИ и, тем самым, в активный словарный запас информантов. Этого нельзя сказать о словах *бухгалтер*, *прачка* или *двугривенный*, что подтверждает тезис о взаимодействии лексических и фонетических причин возникновения ПХ в процессе спонтанного чтения русского текста носителями китайского языка.

Результаты анализа.

Паузы хезитации как способ преодоления речевого сбоя

Выше были рассмотрены лингвистические условия (причины), вызывающие трудности для инофонов в процессе спонтанного чтения на неродном языке. Далее рассмотрим способы устранения этих трудностей при помощи физических пауз хезитации. Описание различий в функционировании ПХ в спонтанной речи может быть основано, в частности, на их локализации по отношению к слову, вызвавшему

у говорящего трудность и ставшему причиной появления данного хезитационного явления (его можно назвать «точкой сбоя»⁹). Так, было выявлено три типа локализации ПХ:

- *препозиция* — перед вызвавшим затруднения (мотивирующим ПХ) словом;
- *интерпозиция* — внутри слова (только во взаимодействии с другими ХЯ — разрывом, повтором и т. п.) или между двумя словами (например, в случае возникновения артикуляционной трудности на стыке словоформ);
- *постпозиция* — после мотивирующего слова.

Обратимся к контекстному анализу материала.

*Пауза хезитации в препозиции
по отношению к «точке сбоя»*

Рассмотрим функционирование ПХ в *препозиции* по отношению к мотивирующему слову:

- (11) картинка [загля... [загляденье;
- (12) новые рубашки [<со вздохом> теперича завсегда [садятся;
- (13) могу ли [наде... надеяться // надеяться;
- (14) приходи [говорит / вы [э-э аккуратно [перед э-э вече-ри-и-нкой;
- (15) бегу скорее [э-э пере-оде-ваться;
- (16) чтоб без [хамс... хамства [было.

Примечательно, что в препозиции ПХ практически не функционирует изолированно: в каждом из контекстов она выступает одним из звеньев (чаще первым) в цепочке хезитационных явлений. В состав таких ХЯ входят *скандирование* (4, 15), *обрыв слова* (11, 13, 16), *вставка паралингвистического элемента* (12), *повтор слова* (13), *растяжка гласного* (14), *вокализации* (14, 15), *огласовка конечного согласного предлога* (16). В некоторых контекстах можно видеть сразу серию ПХ, каждая из которых находится в препозиции по отношению к «своему» мотивирующему слову (14). Более того, из примеров видно, что в хезитационные цепочки, помимо ПХ, редко входит лишь еще одно ХЯ, чаще их гораздо больше. Это свидетельствует о том, что одной ПХ перед словом, вызвавшим у говорящего затруднения, часто оказывается недостаточно для преодоления возникшей трудности. Будучи не готовым к беглому произнесению трудной лексемы (*загляденье, надеяться, переодеваться, хамства*) или более крупного звукового фрагмента (*теперича завсегда, вы [э-э аккуратно*), информант берет паузу для обдумывания наиболее удачного варианта произношения. За время этой паузы говорящий предполагает полностью устранить возникшее затруднение, однако, как

показывают приведенные контексты, инофоны не всегда справляются с этой задачей без воспроизведения словоформы (порой ошибочного) и совершают самокоррекцию, уже за счет артикуляционного и перцептивного контроля произношения.

Например, столкнувшись с незнакомой единицей *вечеринкой*, обладающей к тому же сложной морфемной структурой (14), информант берет паузу для обдумывания наиболее точного способа ее воспроизведения, однако впоследствии решает эту задачу путем скандирования (воспроизведения по слогам) и растяжки гласного, облегчая тем самым реализацию вызвавшего трудности слова и добиваясь его верного произнесения.

В контексте (16) затруднение вызвано, помимо всего прочего, наличием стечения четырех согласных в слове *хамство*. В данном случае можно предположить, что ПХ и второе ХЯ в цепочке — обрыв слова — имеют для говорящего разную мотивировку. Информант взял в своей речи незапланированную паузу, поскольку встретил незнакомую лексическую единицу, препятствующую возможности продолжения беглого чтения (слово *хамство* не входит в лексический минимум уровня В2, которым владеет данный информант). Но, кроме того, в процессе реализации словоформы говорящий столкнулся и с артикуляторной трудностью воспроизведения не свойственного для его родного языка стечения согласных, в связи с чем оборвал слово (*хамс... хамства*). Таким образом, функции ХЯ в представленной цепочке отчасти дифференцированы. Однако нельзя не учитывать факт возможности наложения ХЯ друг на друга, поэтому вполне резонно предположить, что во время незапланированной паузы говорящий обдумывал и способ произнесения сложного консонанса.

Из приведенного анализа препозиционных ПХ, можно сделать вывод, что они, независимо от причины своего появления, выполняют функцию ознакомления с языковой единицей и своеобразного бессознательного *планирования* (*гезитационного поиска*) наиболее удачного варианта ее устной реализации. Подчеркнем, что инофонам для устранения трудностей произношения недостаточно изолированного использования ПХ в препозиции, однако именно она становится, как правило, первым этапом выхода из ситуации речевого сбоя («точки сбоя»).

*Пауза гезитации в интерпозиции
по отношению к «точке сбоя»*

Рассмотрим далее функционирование ПХ в *интерпозиции*. Отметим, что за интерпозиционное положение ПХ в работе принимаются

паузы, функционирующие внутри слова (включая фонетическое слово с про- и энклитиками), а также паузы, стоящие на границе между первым и повторными употреблениями одной и той же словоформы:

- (17) *роскошно* / *кар...* || *картинка* / *загляде-нье*;
- (18) *могу ли наде...* *надеться* | *надеяться*;
- (19) *новые рубашки тер...* | *теперича* / *завсегда-а* / *сидятся*;
- (20) *за-ас...* *заскочил я-я* / *кы-ы* | *прачку*;
- (21) *охота было* / *знаете н попр...* | *попри-личней одеться*;
- (22) *на другой день перед вечеринкой* / *зас...* | *заско...* | *заскочил я кы* | *пра...*
прачке;
- (23) *заскочи...* *ы зас...* *зас...* *засканчил* | *заскочил я в магазин*;
- (24) *с двумя пристежными воротниками* || *воротничками*;
- (25) *недан...* | *не...* | *деваю рубаху*;
- (26) *голубУшка* | *говорю* / *расста...* || *расста-райся* // *завтра вечеринка*.

В первую очередь отметим, что, ввиду особенностей расположения интерпозиционных ПХ, они могут функционировать исключительно во взаимодействии с двумя другими разновидностями ХЯ — *повтором*, обычно с самокоррекцией (18, 23, 24), или *разрывом слова* (17–19, 21–23, 25–26). Более того, ПХ в интерпозиции могут также являться звеном цепочек, включающих и другие типы ХЯ, например, *огласовку* неслогового элемента (20, 22), *скандирование* (17, 21, 26), *вокализацию* (23). Однако интерпозиционные ПХ в многоуровневых цепочках ХЯ встречаются значительно реже, нежели препозиционные. Это может свидетельствовать о том, что ПХ в интерпозиции наделены большей самостоятельностью в отношении коррекции речевых сбоях.

Если ПХ, расположенные непосредственно перед мотивирующим словом, осуществляют функцию предварительного бессознательного планирования (хезитационного поиска), т. е. подготовки к его произнесению, то ПХ, реализованные внутри словоформы или на стыке двух ее повторных реализаций, используются (также бессознательно) инофонами для выполнения так называемой онлайн-коррекции, или предупреждения неверного произношения. Иными словами, главная особенность интерпозиционных ПХ, по сравнению с препозиционными, заключается в том, что первые возникают в речи говорящих уже после начала устного воспроизведения лексической единицы. Принцип их функционирования заключается в следующем: инофон совершает попытку реализации словоформы, осознает невозможность ее беглого воспроизведения или, на основе перцептивного (слухового) и артикуляционного анализа, выявляет неверность начатого произношения, и затем в его речи возникает незапланированная пауза, во время которой

он проводит рефлексию произнесенного и/или обдумывает способ наиболее верного прочтения.

Рассмотрим действие описанного алгоритма на примере контекста (17). В процессе произнесения лексемы *картинка* информант столкнулся с артикуляторной трудностью: во-первых, сам по себе вибрانت [r], как известно, вызывает у носителей китайского языка сложности при произношении в связи с действием межъязыковой фонетической интерференции; во-вторых, в данной словоформе дрожащий оказывается на стыке с другим консонантом, образуя тем самым стечение согласных, также непривычное для китайца. Именно поэтому информант, осознавая возможность неверного прочтения, прерывается на звуке [r] и готовится к воспроизведению слова в наиболее правильном варианте. В подобных случаях функции интерпозиционной ПХ сходны с функциями препозиционной — отличие лишь в том, в какой момент речи происходит осознание собственной неготовности бегло произнести слово.

В контексте (24) возникает отличное от проанализированного выше функционирование интерпозиционной ПХ. В данном случае информант не предупреждает совершение ошибки, а корректирует ее при повторном произнесении словоформы *воротничками*. При первичной реализации лексема была видоизменена до *воротниками*, однако, заметив это, информант совершает незапланированную паузу, во время которой у него появляется возможность проанализировать произнесенное слово, сопоставить его с данным в тексте, выявить, в чем заключается несоответствие, и обдумать верный способ прочтения.

Таким образом, можно предположить, что ПХ в интерпозиции способны выполнять одновременно две функции — *рефлексии* и *планирования* (*гезитационный поиск*). О таком двустороннем функционале интерпозиционных ПХ может свидетельствовать и тот факт, что именно данная разновидность несинтагматических физических пауз чаще остальных реализуется с особой длительностью (отмечено как ||)¹⁰ (17, 24, 26).

*Пауза гезитации в постпозиции
по отношению к «точке сбоя»*

Далее рассмотрим ПХ в *постпозиции* по отношению к мотивирующему слову или «точке сбоя»:

- (27) картинка / загляде... [ы-н [загляденье [на вечеринке думаю все барЫшнИ [барышнИ кидаться будут;
- (28) охота [был [знаете / сл припри... [припличнее [одеться;
- (29) де-евяча-а я бух... бухгалтерю-ю [стирала;
- (30) будет она сти... сти... [стираная [и глаженная;

- (31) э-э чтоб бе-ез ха-ам-ства [было;
- (32) чтоб без [хамс... хамства [было;
- (33) всё [н-н барЫш... [барЫ-Ыш-ни || кидаться;
- (34) в прошлую субботу после службы || зас... [зас... || заскОчил [я в магазин [заскочил [я в магазин;
- (35) голубА... г... [э-э голубУшка [говорю;
- (36) могу ли надеяться || надеЯться // надеЯться [говорит.

Как видно из приведенных контекстов, ПХ в постпозиции выполняет, как правило, роль последнего звена цепочки ХЯ. Такие несинтагматические физические паузы могут функционировать во взаимодействии, например, с обрывом слова (27–30, 32–35), вокализацией (27, 31, 33, 35), растяжкой гласных (29, 31, 33), скандированием (29, 31, 33), повтором слова (36) и почти всегда — во взаимодействии с ПХ в пре- и интерпозициях. Так же как и препозиционные, постпозиционные ПХ зачастую становятся звеньями многоуровневых цепочек ХЯ, включающих два и более вида элементов, однако в случае с ПХ в постпозиции это связано не с низким уровнем самостоятельности данного явления, а с особенностью его функционирования. Дело в том, что постпозиционные ПХ используются говорящими, когда ошибка в произнесении слова, с их точки зрения, уже устранена или ее удалось избежать, воспользовавшись инструментарием ряда ХЯ. Значит, ПХ в постпозиции по отношению к мотивирующему слову используются не с целью устранения неверного произношения, а для самоконтроля и выхода из ситуации речевого сбоя.

В примере (28) видно, что инофон столкнулся со сложным по своей морфемной структуре словом *поприличнее*, что вызвало у него трудность в процессе его прочтения. Для устранения сбоя говорящий неосознанно обращается к такому ХЯ, как обрыв слова, внутри которого возникает интерпозиционная ПХ для рефлексии произнесенного и планирования стратегии наиболее верного способа прочтения. Затем происходит окончательная реализация единицы, после чего инофон воспроизводит ПХ, во время которой происходит повторный анализ произнесенного, и, будучи удовлетворенным данным вариантом прочтения, информант продолжает поток спонтанной речи (чтения). Из данного контекста видно, что использование постпозиционной ПХ, выполняющей функцию самоконтроля, не является гарантом верного произнесения единицы, поскольку в большинстве случаев это зависит от уровня владения говорящим русским языком.

Функционал постпозиционных ПХ близок функционалу интерпозиционных: каждый из этих видов пауз используется говорящим для рефлексии, однако последние предполагают наличие последующей вер-

ной реализации словоформы, а первые возникают после такой реализации для окончательного, завершающего, контроля, за которым следует продолжение чтения. Уместно предположить, что ПХ в постпозиции отчасти распространяются не только на непосредственно мотивирующее слово, но и на все последующее высказывание, подготовка к которому затруднена ситуацией предшествующего речевого сбоя, а, следовательно, также может требовать приостановки потока речи.

Заключение

Подводя итоги и обобщая анализ функционирования физических ПХ, встречающихся в трех разных положениях по отношению к мотивирующему слову («точке сбоя»), стоит отметить, что функционал интерпозиционных пауз совмещает в себе функционал пауз пре- и постпозиционных. Таким образом, ПХ в препозиции выполняет функцию планирования (хезитационный поиск правильного варианта прочтения той или иной единицы), ПХ в постпозиции — функцию рефлексии (реакция на прочитанное, часто на сделанную ошибку), а ПХ в интерпозиции — функцию и рефлексии, и планирования.

Направление анализа материала неподготовленного (спонтанного) чтения китайцами русского текста, предложенное в настоящей статье, можно признать значимым аспектом расширения лингводидактической базы в сфере преподавания РКИ, поскольку хезитации в русской речи иностранцев (речь на неродном языке) имеют несомненную специфику и их прогноз может помочь преподавателю в работе с таким материалом в иностранной аудитории.

Примечания

¹ *Хезитация* (речевое колебание, от лат. *haesito* — ‘засесть, застревать, задерживаться’ и англ. *Hesitation* — ‘колебание’) представляет собой «внутренний перебив в процессе речепорождения, связанный с тем, что говорящий в силу каких-либо причин оказывается не способным продолжать говорение» (Яковлев А. Е. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной русской речи // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых. Саратов, 1998. С. 176).

² См. о ней: Скрёбнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.

³ См. о ней подробнее: Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013; Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А. М. Молдован; отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126. EDN: BPPLFD.

- ⁴ Ср.: «В условиях такого „временного дефицита“ в устной речи возникают различные речевые сбои, она „как будто рождается в муках — оговорках, самоперебивах, самокоррекции, обрывах, повторах. Может вербализоваться отбор языковых средств, а также не только положительный, но и отрицательный материал» (Звуковой корпус... С. 20).
- ⁵ См.: Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н. П. Андрушиной. 5-е изд. СПб., 2014; Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение [Электронное издание] / под ред. Н. П. Андрушиной. СПб., 2018.
- ⁶ Знак (l) в расшифровках монологов означает физическую ПХ. Об остальных знаках, используемых в транскриптах корпусного материала, см.: Кун Чунься. Специфика неподготовленного чтения на неродном языке (комплексное исследование на материале русской речи носителей китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022.
- ⁷ Лексический минимум... СПб., 2018.
- ⁸ Прописная буква в слове означает неправильное ударение.
- ⁹ См.: Богданова-Бегларян Н. В. Обрыв в устном монологе как «точка сбоя» и способы ее преодоления // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 3. С. 555–567. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(3).555-567. EDN: OGMDQI.
- ¹⁰ Такая ПХ на слух воспринимается как долгая, но не сверхдолгая. Сверхдолгая hesitationная пауза отмечается в расшифровках как ||| с указанием в скобках ее длительности в сек., ср.:
- эта картина изображается очень [ы-н мок... ||| (пауза 8 с) с-ы очень тём... [ы тёмным [тоном / и-и ||| (пауза 9 с) когда [человек с... ы смотр... || н-н || смо-о-т... когда люди смотрЯт [на ём.

Sofia V. Andreeva, Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Saint Petersburg State University, Russia

HESITATION PAUSES IN SPONTANEOUS READING:

FUNCTIONS AND CAUSES (BASED ON CHINESE SPEAKERS' RUSSIAN SPEECH)

The article describes physical hesitation pauses (HPs) in monologues of unprepared reading of Russian texts by native Chinese speakers. HPs are considered to be one of the most common hesitation phenomena inherent in spontaneous speech production in any language. Reading is regarded in this study as a type of a spontaneous monologue, similar to retelling, picture description, and speaking on a given topic. The analysis revealed both the functions of HPs (e. g., searching for an appropriate lexical unit, reacting to a made error) and possible reasons for their occurrence in the Russian speech of non-native speakers (e. g., unfamiliar words, lack of knowledge of word stress, phonetic difficulty).

Keywords: spontaneous monologue; unprepared reading; hesitation phenomenon; hesitation pause.

Богданова Ксения Александровна,
Данилов Александр Васильевич
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
st120360@student.spbu.ru; aldaniks@yahoo.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В статье рассматриваются особенности семантической составляющей звукоподражательных слов и их функционирования в текстах детской художественной литературы русскоязычных авторов.

Ключевые слова: звукоподражательные слова; онома топы; звуковые жесты; зоофонии; механофонии; технофонии; детская художественная литература.

Звукоподражательные слова играют важную роль в языковой системе, особенно в произведениях для детей, где яркости, эмоциональности образов и языка уделяется особое внимание. Звукоподражания — это тот лексический материал, с помощью которого речь героев произведения, авторский комментарий приобретают черты разговорного стиля, колорит непринужденности и спонтанности. Они также помогают ребёнку осваивать язык и окружающую действительность. Вслед за Н. М. Шанским и А. Н. Тихоновым¹, мы рассматриваем звукоподражания как слова, поскольку они обладают своим особым лексическим значением и постоянным фонемным составом, понимаются носителями (в том числе вне контекста) и активно участвуют в словообразовании. В настоящей работе наряду с онома топами рассмотрены глагольные междометия, которые можно отнести к «звуковым жестам»² (а именно усечённые формы глаголов, обозначающих действия, производимые с сопровождением характерного звука, например, «шлёп», «хлоп», «хлюп»), поскольку в предложении онома топы и «звуковые жесты» реализуют свою семантику сходным образом. Более того, онома топы также могут выполнять функции «звуковых жестов», выступая в качестве сказуемого. Например:

«Буратино отодрал вторую шишку, и она — бах! — Карабасу Барабасу прямо в темя, как в барабан» (А. Толстой. Золотой ключик, или приключе-

чения Буратино)³ подобно «Дверью хлоп, ушла» (Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы).

И, наоборот, «звуковые жесты» могут функционировать как звукоподражания. Например:

«И кавалеры с дамами/ Подмётками стучат:/ Тук-тук-тук,/ Топ-топ-топ,/ Бух-бух-бух,/ Шлёп-шлёп-шлёп!» (А. Усачёв. Шкатулка).

В аспекте исследования художественной литературы для детей дошкольного возраста общепринятые дефиниции понятия «звукоподражание» представляются узкими, поскольку не позволяют с достаточной полнотой описать специфику анализируемых произведений. В виду этого мы предлагаем собственное, более широкое определение: *звукоподражания*, или *ономатопы* — это неизменяемые слова, являющиеся условными воспроизведениями звуков, издаваемых агенсом (одушевлённый или неодушевлённый субъект действия) или пациенсом (неодушевлённый объект или инструмент действия). Также на основе классификации Е. В. Тишиной⁴ составлена новая семантическая классификация ономатопов, которой придерживаемся в работе.

1. *Зоофонии* — лексемы, обозначающие звуки, издаваемые животными.
2. *Технофонии* — лексемы, обозначающие звуки, которые возникают в процессе работы технических устройств, аппаратов и пр.
3. *Механофонии* — лексемы, обозначающие звуки, которые возникают при физическом контакте двух или более тел.
4. *Биофонии* — лексемы, обозначающие звуки, издаваемые живыми существами, организмами в процессе жизнедеятельности.
5. *Натурофонии* — лексемы, обозначающие звуки неживой природы.
6. *Антропофонии* — лексемы, обозначающие специфические звуки, связанные с физиологией человека и имитирующие звуки речевой деятельности.
7. *Фикцифонии* — лексемы, обозначающие звуки, издаваемые вымышленными существами и предметами.

Список произведений художественной литературы, анализ которых осуществляется в настоящем исследовании, был составлен на основе приказа Министерства просвещения России от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования». Критерием отбора материала послужило наличие в текстах звукоподражательных слов.

Перечень содержит 299 произведений 108 авторов, звукоподражания и звуковые жесты использованы в 85 произведениях 43 авторов. В произведениях перечня представлены звукоподражания всех существующих в семантической классификации ономатопов групп:

- зоофонации (171 единица);
- механофонации (77 единиц);
- технофонации (43 единицы);
- антропофонации (82 единицы);
- биофонации (8 единиц);
- натурофонации (10 единиц);
- фикцифонации (10 единиц).

Всего в процессе анализа был выделен 401 случай употребления ономастопов и звуковых жестов (в поэтических произведениях — 88, в прозаических — 313). В настоящем исследовании подробно проанализированы зоофонации, механофонации и технофонации.

Употребление звукоподражаний в детской литературе направлено на ознакомление ребёнка с тем, как свойства существующих звуковых реалий отображаются в языке, и с проявлениями свойств окружающего мира, которые не связаны непосредственно со звуковой его стороной, но в тексте выражаются при помощи ономастопов, несущих дополнительное значение помимо непосредственно звукоподражательного. В случае зоофонаций ребёнок знакомится со звуками и действиями, издаваемыми животными. Например:

«Летит и жужжит [пчела]: — Уж-ж-жалю! Уж-ж-жалю!» (В. Сутеев. Кто сказал «мя»?).

В приведённом примере звукоподражание «встроено» в глагол, обозначающий характерное действие денотата. То есть, жужжание пчелы передано через повторение буквы (и звука) «ж» в слове «ужалю». Кроме того, с помощью звукоподражаний может выражаться противопоставление взрослой особи и детёныша:

«Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: „Тяф! Тяф!“ — совсем как настоящие псы» (Н. Носов. Дружок).

А в стихотворении Г. В. Сапгира ономастопы в ответах кошки знакомят ребёнка с положительными и негативными реакциями животных на объекты окружающей действительности:

«— Мяу, хочешь молочка? / — Мяу. / — А в приятели — щенка? / — Фрр!» (Г. Сапгир. Кошка).

Причём ономастоп «мяу» как таковой не подразумевает положительных эмоций денотата, но «фрр» обязательно негативно окрашен, поскольку обозначает такие реакции кошки, как страх и раздражение. В том числе, здесь и в следующем примере зоофонация субстантивируется и выступает наименованием денотата:

«Но из всех своих зверей доктор Айболит любил больше всего <...> свинку Хрю-Хрю, попугая Карудо и сову Бумбу» (К. Чуковский. Доктор Айболит).

Кроме того, редко, но возможно, наоборот, зоофонация уподобляется наименованию денотата:

«Пел зинзивер, синица-кузнечик. Песня нехитрая: „Зин-зи-вер! Зин-зи-вер!“» (В. Бианки. Лесная газета).

Отдельно следует упомянуть функцию оформления поэтического текста: план выражения данного ономотопа зависит от стихотворного размера, вида рифмовки и художественных приёмов, используемых автором текста. Например:

«Стала петь мышонку кошка: / — Мяу-мяу, спи, мой крошка! / Мяу-мяу, ляжем спать, / Мяу-мяу, на кровать» (С. Маршак. Сказка о глупом мышонке); «Кра, кра, кра! / Завтра дождь с утра» (А. Барто. Кто как кричит); «Шла корова по дороге, / по дороге, / по панели, / шла корова / по панели / и мычала: / „Му-му-му!“» (Д. Хармс. Игра).

Так, в первом примере зоофонация «мяу-мяу» исполняет роль анафоры; во втором примере выбор ономотопа «кра» вместо эквивалентного «кар» объясняется его созвучием с последним слогом слова «утра»; в третьем же — выбор количества слогов в зоофонании «му-му-му» обусловлен ритмической структурой стихотворения. Особенностью зоофонаний является фиксированность их связи с соответствующими денотатами (в отличие от денотатов звукоподражаний прочих семантических групп). Это свойство даёт авторам возможность внести в текст элемент игры, подобие загадки. Например:

«Один ёж не испугался, кинулся на змею и — раз, два, три — загрыз её. А потом сел на ящик и закричал: „Кукареку!“ Нет, не так! Ёж закричал: „Ав-ав-ав!“ Нет, и не так! <...> Я и сам не знаю как» (Д. Хармс. Храбрый ёж); «— Мяу! — закричало что-то» (Н. Носов. Живая шляпа).

В ходе анализа было обнаружено несколько контекстов, где зоофонации задействованы в «игре слов». Такое употребление звукоподражаний подразумевает то, что ребёнок имеет достаточные экстралингвистические знания и хорошо освоил систему русского языка. Например:

«Трётся у ног-то [кошка] да мурлычет: „Пр-равильно придумал. Пр-равильно“» (П. Бажов. Серебряное копытце).

То есть, чтобы понять, почему выбрана именно такая форма, ребёнку нужно знать, что при мурлыкании кошка издаёт звук, напоминающий протяжённый дрожащий согласный [r]. Или:

«—Да не чем, а упадешь на землю, кошка — чик! и слопает! — объяснял отец [воробей], улетаая на охоту» (М. Горький. Воробышко).

Слово «чик» в данном контексте может быть понято и как лексема, обозначающая звук, издаваемый воробьём, и также как усечённая форма глагола «чикать», который в словаре под ред. Д. Н. Ушакова охарактеризован следующим образом: 'делать что-н. (резкими, короткими движениями или производя звук «чик»)'⁵. То есть, воробей, говоря о кошке «чик! и слопаёт!», подразумевает стремительность и резкость движений хищника. И также:

«Ну-ка к маме под крыло! / Куд-куда вас понесло?» (*В. Берестов. Серёжа и гвозди*).

Здесь обыгрывается сходство зоофонации «куд-куда» с наречием «куда». Хотя спектр зоофонаций в русском языке весьма широк, он по понятным причинам имеет ограничения. Это способствует поиску новых звуко-языковых соответствий и, как следствие, появлению окказионализмов и/или авторских неологизмов. Например:

«Над лесом вдруг тихо так: — Црк, црк! Хор-р-р, хор-р-р! [вальдшнепы]» (*В. Бианки. Лесная газета*).

То есть, поскольку в русском языке нет нормативного ономотопа, обозначающего звуки, издаваемые вальдшнепами, в данном случае можно говорить о введении В. В. Бианки авторского неологизма. Или:

«Там, за заборчиком, было много козочек. <...> Они все закричали: „Э-э-э!“ и побежали к нам» (*Б. Житков. Что я видел*).

В этом примере Б. С. Житков переоформляет существующую в современном русском языке звуковую оболочку зоофонации «ме-е», которая обозначает звуки, издаваемые козами, и прочно закреплена за своим денотатом.

Что касается механофонаций, окказионализмов среди ономотопов этой группы в детской художественной литературе представлено крайне мало. Механофонации часто принимают на себя глагольные свойства. Например:

«Царь <...> / Бух в котёл — и там сварился!» (*П. Ершов. Конёк-горбунок*);
«Чирк коньками по снегу, чирк!» (*Н. Носов. На горке*).

Объясняется эта «глагольность» тем, что механофонации по сравнению с уже рассмотренными нами зоофонациями значительно реже используются в прямой речи, а поэтому в тексте за счёт своей семантики (являясь звуками, возникающими при определённом действии) выступают в роли глагола; а «звуковые жесты» особенно часто при функционировании в качестве механофонаций в полной мере реализуют свою исходную глагольность. Например:

«Топ-топ, топ-топ, / Покачнулась — шлёп!» (*Е. Благинина. Алёнушка*).

Однако даже в таких случаях «звуковые жесты» сохраняют свойства, характерные для звукоподражаний, о чём можно судить, во-первых, из самой усечённости таких глагольных форм (поскольку в аффиксах русских глаголов выражаются значения вида, времени, рода, лица и числа, а при использовании формы звуковых жестов эти значения «отсекаются» за ненужностью, обращая внимание читателя на содержание действия, выраженное корнем); во-вторых, дву- и более кратное повторение производящей основы в русском языке является характерной и распространённой чертой звукоподражаний. Реализуя свойства глагола, ономотопы из числа механофонаций в каком-то смысле уподобляются звуковым жестам. Например:

«Воробышки сели, / <...> Шшу-у-у!.. и улетели» (Е. Благинина. Алёнушка); «Тук! — и шляпки не видать» (В. Берестов. Серёжа и гвозди).

Так, в приведённых выше высказываниях механофонации даже соединяются с глаголами союзом «и». Обыкновенно употребление в текстах механофонаций сопровождается связанными с ними по смыслу глаголами, с помощью которых авторы детской литературы рассказывают ребёнку о том, какое действие стоит за воспроизведением того или иного звука. Например:

«А оно [яблоко] — крак!.. — и поломалось» (Б. Житков. Что я видел).

Механофонации также участвуют в поэтическом оформлении текста: служат средством ритмизации и рифмы, в том числе и с другими звукоподражаниями. Например:

«Бум! Бум! Бум! Бум! / Что за гром? Что за шум?» (Н. Заболоцкий. Как мыши с котом воевали).

Кроме того, изредка механофонации употребляются вне зависимости от звукового сопровождения действия и при отсутствии референта. Например, ономотоп «трах-тара-рах» обозначает резкий громкий шум, звук крушения, грохот. Так он употребляется в прямом значении:

«Миша протянул руку — и хватъ самый нижний кубик! И вмиг — трах — тара — рах! — вся Машина башня раз — / ва — / ли — / лась!» (Я. Тайц. Кубик на кубик).

Ниже представлен отрывок из рассказа с иносказательным употреблением рассматриваемого ономотопа:

«— Очумел! — сокрушалась крокодилица. — Был нормальный крокодил. И вдруг — трах-тарарах! — летать вздумал» (М. Москвина. Что случилось с крокодилом).

Здесь автор использовал лексему, обозначающую звуки грохота и шума для характеристики ошеломляющего, неожиданного события.

Будучи эмоционально окрашенными и заметными в тексте, механофонии выступают своеобразным маркером момента осуществления события, охарактеризованного данной механофонией, таким образом помогая ребёнку следить за ходом событий в произведении. Например:

«Метнула крыса хвостом в другую сторону — крак! — и переломилась рачья клешня пополам» (В. Бианки. Где раки зимуют).

Говоря о технофониях, стоит отметить, что в текстах художественной литературы для детей дошкольного возраста анализируемого нами корпуса они появляются позже (только с двух лет), чем уже рассмотренные нами выше зоофонии и механофонии (с одного года). К тому же, среди технофоний нередко встречаются омонимичные формы с зоофониями и механофониями. Например:

«Жу-жу-жу! / Я теперь уже не Мишка, / <...> я советский самолёт» (Д. Хармс. Игра); «— Ну, она-то [автомобиль] по-своему, по-машинному: рр!» (Т. Александрова. Домовёнок Кузька).

В данных примерах представлена именно омонимия, а не одни и те же звукоподражания, поскольку не подвергается сомнению то, что, например, звуки, издаваемые собакой, — «ррр» (К. Чуковский. Доктор Айболит), — и мотором автомобиля, — «рр» (Т. Александрова. Домовёнок Кузька), — не имеют общей семантики. В подавляющем большинстве случаев употребления ономаатопов в тексте в их ближайшем языковом окружении (то есть, в пределах узкого контекста, слов автора при прямой речи или предшествующего/последующего предложения) называется денотат. Например:

«Ванька все время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь: ззь! ззь! ззь!...» (В. Драгунский. Денискины рассказы); «Вдруг тоненьким свистком кто-то засвистел, как милиционер: — Трю-у! Трю-трю!» (Б. Житков. Что я видел).

Так, дети знакомятся с тем, какими лексемами обозначается звучание того или иного устройства. Технофонии также могут использоваться в целях «игры слов», для понимания которой требуются экстралингвистические знания об окружающем мире. Например:

«Колокольчики потребовали, чтобы она называлась Динь-Динь (это было единственное слово, которое они умели говорить)», «Колокольчики шептали: „Динь-Динь, Динь-Динь“» (Б. Заходер. Серая звёздочка).

Наименование растения «колокольчики» мотивировано внешним сходством его цветков с одноимённым ударным музыкальным инструментом. Или:

«— Она очень хлопает и называется трактором. / Я засмеялся и сказал: — Знаю: потому что трах! Потому она трахта. / Бабушка сказала, что не „трахта“, а трактор, и совсем не потому, что „трах“» (Б. Житков. Что я видел).

Здесь название денотата обыгрывается его схожестью с названием ономатопа, который обозначает издаваемый им звук. Денонаты технофонаций менее фиксированы, чем денотаты зоофонаций, и более фиксированы, чем денотаты механофонаций. Потому использование технофонаций в загадке так, как это осуществляется с зоофонациями, затруднено и встречается редко, поскольку в таком случае элемент загадки становится неразрешимым. Например:

«И что-то завывало страшным голосом: ву-у-у-у!.. И потом: дилинь-дилинь, дилинь-дилинь! <...> А это не случилось, а это пожарные едут. Они на красных автомобилях. В золотых касках. И едут со всей силы. И звонят в колокольчик» (Б. Житков. Что я видел).

Только из широкого контекста можно узнать, к какому денотату относятся данные ономатопы. В этом отношении технофонации похожи на неофонации или авторские формы других семантических групп, т. е. обе так же трудноопознаваемы или неопознаваемы вовсе. Рассмотрим варьирование денотата на примере технофонации «тра-та-та». В разных вариациях она может означать звук и огнестрельного оружия, и барабана, и поезда:

«Тра-та-та-та-та-та! — так и есть: косач взорвался, — чёрный, как обугленный. И дует прямо вдоль просеки. Посылаю ему вдогон дуплет» (В. Бианки. Лесная газета); «Бей, барабан, та-та! тра-та-та!» (Д. Мамин-Сибиряк. Алёнушкины сказки); «Вот поезд мчится — красота! / Стучат колёса — тра-та-та!» (В. Драгунский. Денискины рассказы).

И объединяет эти денотаты лишь то, что они являются сложными устройствами.

Как и прочие звукоподражания в поэтических текстах, технофонации выполняют рифмо- и ритмообразующую функции. Например:

«Чух-чух, / Чух-чух, / Мчится поезд / Во весь дух» (Э. Мошковская. Мчится поезд); «И такая дребедень / Целый день: / Динь-ди-лень, / Динь-ди-лень, / Динь-ди-лень! / То тюлень позвонит, то олень» (К. Чуковский. Телефон).

В этом примере технофонации рифмуются со знаменательными словами, а их структура (количество слогов и повторений звукоподражательных слов) обуславливается стихотворным размером поэтического текста.

Итак, детальный анализ зоофонаций, механофонаций и технофонаций позволил выявить особенности употребления и функционирования

в текстах ономапопов и звуковых жестов. Во-первых, высокая частотность в детской художественной литературе звукоподражательных слов обусловлена особенностями целевой аудитории этих текстов. Звукоподражания и звуковые жесты экспрессивны, они вносят разнообразие в повествование и помогают удержать внимание ребёнка на тексте, который предъявляется ребёнку, как правило, в звуковой форме. Во-вторых, зоофонии, механофонии и технофонии знакомят ребёнка со средствами языка, с помощью которых в нём выражаются звуковые реалии окружающего мира. В-третьих, звукоподражательные слова всех рассмотренных нами семантических групп служат средствами ритмизации и рифмовки поэтического текста.

Зоофонии отличаются широкой распространённостью авторских форм и неофоний, фиксированностью денотата, а также часто используются в загадках и «игре слов». Особенность механофоний заключается в изменяемости денотата, исполнении функции маркера момента времени осуществления события и ключевой роли предиката вследствие их тесной связи с глаголом. Отличительной чертой технофоний является распространённая омонимия форм с другими семантическими группами звукоподражательных слов ввиду позднего возникновения класса их — технофоний — денотатов, а также частотное упоминание референта в ближайшем языковом окружении ономапопов.

Таким образом, при различии тематических групп звукоподражательных слов на уровне семантики и словообразования рассмотренных нами зоофоний, механофоний и технофоний, мы обнаруживаем много общих черт в их функционировании в текстах произведений русской художественной литературы, рекомендованной детям дошкольного возраста. На основании вышеизложенного перспектива проведённого исследования видится в разработке учебных материалов и лингвометодических рекомендаций для изучения звукоподражательной лексики в аспекте русского языка как иностранного в детской билингвальной аудитории.

Примечания

- ¹ Современный русский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М., 1987. С. 253.
- ² Поливанов Е. П. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919. Т. 1–2. С. 27–36.
- ³ Материал для анализа был отобран из текстов художественной литературы, размещённых на следующих сайтах: <http://az.lib.ru/>, <http://www.planetaskazok.ru/>, <https://deti-online.com/>, <https://mishka-knizhka.ru/>, <https://nukadeti.ru/>, <https://skazki.rustih.ru/>.

ru/, <https://www.chukfamily.ru/>, <https://www.culture.ru/>, <https://www.kostyor.ru/>, <https://www.skazka.ru/>, <https://www.stranamam.ru/>.

⁴ Тишина Е. В. Русская онomatопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с. EDN: QEVBIT.

⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940. С. 1275.

Kseniia A. Bogdanova, Alexander V. Danilov, Saint Petersburg State University, Russia

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC PROPERTIES OF ONOMATOPOETIC WORDS
(BASED ON WORKS OF CHILDREN'S FICTION)**

The article deals with the features of semantic component of onomatopoeic words and their functioning in the texts of children's fiction by Russian-speaking authors.

Keywords: onomatopoeic words; onomatopoeia; sound gestures; zoophonation; mechano-phonation; technophonation; children's fiction.

Бузальская Елена Валериановна
Уханьский университет, Китай
helve@yandex.ru

РОЛЬ ЭНТИМЕМЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКЦИИ

Целью статьи является выявление способности энтимем выступать в роли элементов, выполняющих функцию моделирования структуры современной лекции как речевого жанра, в котором пересекаются параметры аргументативного, академического дискурса и риторического метадискурса. Анализируя теоретический материал, автор строит терминологическое микрополе энтимемы. На основании анализа лекционного материала автор выявляет шесть типов энтимем, только три из которых оказываются способны выступать как структурообразующие компоненты данного жанра.

Ключевые слова: аргументативный академический дискурс; энтимема; лекция; речевой жанр.

Введение

В коммуникативной лингвистике под *аргументацией* принято понимать интерактивный процесс¹, реализуемый как потенциальный или актуализированный конфликт, развивающийся между стороной, передающей информацию, и стороной, ее воспринимающей. В основании аргументации лежит «фактор разногласия»², описываемый не только как конфликт интересов и мнений, но и шире — как разница в объеме знаний (их изначальная недостаточность или искаженность в сознании адресата, которая приводит к необходимости коррекции фрагмента картины мира собеседника).

Аргументация как комплексное речевое действие является общим основанием для целого ряда речевых жанров (таких, как *рецензия, дебаты, листовка, проповедь, речь адвоката в суде, научный доклад, лекция*), чья коммуникативная стратегия базируется на убеждении (персуазивности)³, заключающемся в конструировании ситуации необходимости принятия решения. При этом «убеждающее воздействие достигается за счет достоверности аргументов, их непротиворечивости, достаточности и последовательности их предъявления»⁴. Указанные жанры формируют *аргументативный дискурс*, но при этом принадлежат к различным коммуникативным сферам, одной из которых является сфера академического общения (*академического дискурса*). В ней принятие «решения»

адресатом — это его вывод о достоверности воспринимаемой информации и о возможности ее принятия.

В то же время, помимо понятий *аргументативный дискурс* и *академический дискурс* в лингвистике широко используется понятие *риторического метадискурса*, понимаемого как «совокупность параметров риторической коммуникативной ситуации, а также любой комплексный речевой акт (акт речемыслительной, или дискурсивной деятельности), осуществляемой в форме высказывания/текста»⁵. Риторическая же коммуникативная ситуация так же, как и ситуация аргументации, характеризуется наличием «возможности выбора из как минимум двух решений»⁶, без которого невозможно осуществление воздействия в принципе. Сопоставляя масштабы указанных дискурсов, можно предположить следующее их взаиморасположение, показанное на рис. 1.

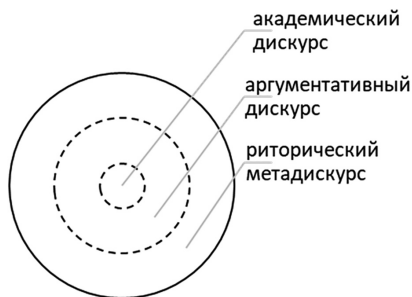


Рис. 1. Область пересечения дискурсов

Примечание. Пунктирной линией в схеме обозначена проницаемость границ дискурсов, приводящая к возможности смешения жанровых канонов.

Таким образом, наиболее широкой сферой, в которую включен речевой жанр лекции, является риторический метадискурс (создание самой возможности выбора решения), внутри этой сферы жанр лекции находится в области аргументативного дискурса (имеет установку на стратегию убеждения, часто с дидактическим уклоном), инструментарий которого ограничен ситуацией и целями академического общения лектора с аудиторией. Следовательно, лекция как жанр академического общения относится к аргументативному академическому дискурсу (стилистически принадлежащего к устной разновидности научного стиля речи), и в то же время к объектам риторического дискурса⁷ (реализуется в качестве монолога, базирующегося на функционально-семантическом типе речи рассуждения, обладает персуазивностью). Коммуникативной целью жанра является коррекция избранного фрагмента картины мира адресата через принятие им решения о достоверности воспринимаемой

информации, что приводит к «модификации эпистемических установок адресата в ходе убеждения»⁸.

Вследствие опоры на монологическую речь аргументация в лекции носит преимущественно теоретический (риторический)⁹, не оппозиционный (диалектический, или практический¹⁰) характер. Иными словами, аргументация в речевом жанре лекции осуществляется в одностороннем порядке, потенциально возможные возражения адресата носят эпизодический характер и не нарушают (в норме) реализацию жанровой модели. Речевая стратегия лекции — убеждение — имеет отсроченный, накопительный эффект и не включает в себя призыва к активным практическим действиям сразу после получения информации.

Изучению лекции с позиций ее коммуникативно-риторической стилистической и структурной организации посвящено не так много работ¹¹, это связано с тем, что возможность нахождения общей модели лекции осложнена высокой вариативностью параметров описания (характеристики зависят от личности лектора, особенностей аудитории, от специфики дисциплины, по которой эта лекция читается, и макроситуации в целом). Изучение данного речевого жанра с позиции анализа «хронотопа лекции»¹² также привело исследователей лишь к постулированию общего факта: «экспликация лекционного хронотопа осуществляется на взаимосвязанных уровнях организации текста: композиции, лексики и грамматики»¹³. С позиций лингвокогнитивной организации построения обобщенной модели речевого жанра лекция остается до сих пор неизученной. Безусловно, такая модель должна носить динамический характер, иными словами, представлять собой не жёстко заданную типичную последовательность цепочек речевых тактик (что невозможно для жанров свободной структуры), а являться набором компонентов, организованных вокруг логического ядра.

Центральным элементом модели жанра аргументативного дискурса является связанная со стратегической целью жанра аргументативная основа — силлогизм, который в вертикальной структуре лекции становится логической основой перспективы развертывания информации. В связи с переходом к коммуникативному типу рациональности в науке¹⁴, в современной лекции с её установкой на «способность говорящего воссоздать иллюзию живого и спонтанного обсуждения темы»¹⁵ классический силлогизм все чаще заменяется силлогизмом с пропущенной частью — энтимемой. Для выявления возможности энтимемы выполнять роль структурообразующего элемента представляется необходимым рассмотреть варианты и специфику её реализации в речевом жанре лекции.

Энтимема как компонент речевого жанра лекции

В отличие от широко изучаемых в лингвистике единичных маркеров аргументативного дискурса (таких, как: *ведь, не случайно, и в самом деле, бесспорно, действительно, и др.*)¹⁶, энтимема представляет собой серию речевых тактик, формирующих умозаключение, генетически производное от силлогизма и характеризующееся наличием материальной импликации. При этом строится она таким образом, чтобы пропущенный элемент слушатель был способен восстановить самостоятельно: ведь «лучше всего усваивается не то знание, которое эксплицитно представлено в пропозиции, а то, которое имплицитно и содержится в логических предпосылках и пресуппозициях высказывания»¹⁷.

Примером может служить отрывок из лекции В. В. Петухова по психологии познания:

«Эти три формы познания мы сразу назовем: ощущение, восприятие, мышление. Кто-то из нас наверняка вспомнит, что об этих процессах мы совсем немножко говорили. И эти процессы дали название трем стадиям развития психики, о которых вы уже знаете» (*Петухов В. В. Лекция «Познание», 25-я минута. URL: <https://dzen.ru/video/watch/666c64c0b27578029004de34>*).

В данном примере лектор заставляет слушателей вспоминать материал предшествующих тем. Для этого он строит энтимему по классической формуле силлогизма: если $a = b$, $b = c$, то $a = c$, где a — вводная информация (антецедент, или малая посылка), b — посылка и c — вывод или последствие (консеквент), но при этом не доводит построение до конца. Схематично его умозаключение выглядит следующим образом: если три формы (известная для слушателей информация) — это три процесса (известная информация, но сравнительно новая, поэтому лектор дает перечисление), то три процесса — это три стадии (*нет перечисления*, лектор намеренно не называет стадии). Здесь энтимема завершается. В данной энтимеме пропущен консеквент. Но, поскольку в лекции не должно оставаться информационных лакун, после небольшой паузы В. В. Петухов затем называет эти три стадии («Это сенсорная, перцептивная и стадия интеллекта»), подтверждая уже появившееся у слушателей предположение. Имплицироваться может также антецедент (если исходный компонент рассуждения a известен, например, является частью фоновых знаний носителя языка или профессионально ориентированных знаний) или посылка (слушатель восстанавливает ход рассуждений лектора, имея антецедент и вывод).

Помимо деления на теоретические (риторические, выстраиваемые для вовлечения слушателя в совместное рассуждение без нарушения ра-

мок монолога) и диалектические (используемые для решения спора) энтимемы, в науке также существует деление на частные энтимемы (принадлежащие определенному сообществу, обладающему специфическим набором конвенциональных знаний) и общие¹⁸. В целом терминологическое поле потенциально возможных энтимем в речевом жанре лекции по филологии схематично представлено на рис. 2.



Рис. 2. Терминологическое микрополе энтимемы

Для анализа были выбраны записи лекций по филологии: с сайта видеозаписей лекций СПбГУ (URL: https://m.vkvideo.ru/playlist/-2411_6); с сайта архива лекций СПбГУ (URL: <https://online.spbu.ru/audirolekcii/>), а также лекции из «Глазария русского языка», находящиеся на сайте (URL: <https://rki.spbu.ru/videolektsii-n-a-lyubimova.htm>). Всего было прослушано и проанализировано на предмет обнаружения энтимем 68 лекций, найдено 100 энтимем.

Найденные примеры анализировались и распределялись на группы, исходя из пропущенного элемента. Также учитывалось соотношение конвенционально детерминированных импликаций (в которых отсутствовала часть фоновой информации, которая должна быть понятна аудитории по умолчанию) и логических (табл.).

Таблица

Типология риторических энтимем в лекциях по филологии и психологии

Характеристики энтимемы	Имплицированная часть структуры		
	Консеквент	Посылка	Антецедент
Конвенциональная обусловленность пропуска	21	10	33
Логическая обусловленность	32	2	2
Выполнение структурообразующей функции	—	+	—

Данные таблицы отражают соотношение типов риторических энтимем в современных лекциях по филологии. Представляется, что при анализе лекций другого временного периода или по другим дисциплинам распределение единиц будет иным, поскольку данное соотношение (64 конвенциональных к 36 логическим) предопределено типом дискурса, дисциплинарно, а также связано с учетом лектором познавательных возможностей современных студентов и слушателей в целом. Частные энтимемы составили 78 примеров из 100 (и конвенциональные, и логические преимущественно построены как относимые к определенной дисциплине, однако в ряде лекций antecedentes и посылки носили общий, культурно обусловленный, характер).

Большая часть энтимем (78 примеров) носила локальный характер (полностью реализовывалась в одном компоненте структуры лекции). Не было выявлено энтимем с пропуском antecedenta, которые выступали бы в роли элемента, организующего главную линию логической последовательности подачи информации. Это связано с тем, что энтимемы с пропущенным antecedentом использовались преимущественно в целях речевой экономии, например, когда лектор использовал имена, не предвывая их вводным комментарием, кто были эти люди и чем они известны, поскольку полагал, что это должно быть знакомо адресату по умолчанию как дисциплинарное фоновое знание. Также, например, в случае, когда использовалось известное понятие (например, Серебряный век) без объяснения его значения, упоминался сюжет книги, известный факт культуры и под.

Энтимема с пропущенным консеквентом в подавляющем большинстве примеров восполнялась лектором в следующем за ней высказывании — так же, как это было показано в примере из лекции В. В. Петухова. Таким образом, лектором создавалась краткая ситуация подъема познавательной активности на одном отрезке (в одной цепочке речевых тактик) лекции.

Среди структурообразующих энтимем было найдено 13 примеров логически обусловленных энтимем с пропущенным консеквентом и 9 примеров энтимем (как логических, так и конвенциональных) с пропущенной посылкой.

Наиболее показательным примером энтимемы в роли элемента, предопределяющего траекторию изложения информации, можно признать следующий:

«Самым необычным для меня? Была работа увулы, корня языка и надгортанника. Это было новым, все остальное было понятно. Но дело не в этом, а в том, что, увидев это, я стала как бы „примерять“ это на себя,

и таким образом научилась ощущать движение артикуляционных органов, соединяя их с определённым типом артикуляции и с акустическим эффектом. Это, собственно, то, чему и учили меня мои Учителя, прежде всего Маргарита Ивановна Матусевич, а также Лев Рафаилович. То есть, нужно уметь произнести любой звук человеческого языка, уметь его артикулировать». (Любимова Н. А. Лекция «Артикуляция и ее изучение в XX веке», 11–12-е минуты записи. URL: <https://rki.spbu.ru/videolektsii-na-lyubimova.htm>).

Фрагмент содержит антецедент (информацию о наблюдении за органами артикуляции, о формировании умения соединять три аспекта), и консеквент (предваряющий вывод: это то, чему учили; и итоговый вывод: надо уметь артикулировать любой звук человеческого языка). Намеренно пропущена посылка (информация о том, как названные органы артикуляции влияют на произношение звуков, которым учили). Пропуск посылки всегда свидетельствует о высоком мнении лектора о слушателях, поскольку пропущенную посылку уловить и реконструировать всегда сложнее, чем антецедент или консеквент. Данная риторическая энтимема имеет конвенциональную природу, обусловлена дисциплинарно, служит образующим структуру лекции приемом, заставляющим слушателей ждать ответа (при отсутствии знаний) или подтверждения своему предположению (при их наличии). На последней минуте записанного видеофрагмента лекции адресат, уже нашедший в процессе прослушивания лекции ответ, получает также дополнительный итоговый сигнал о завершении приёма, так как автор «закрывает» фрагмент, возвращаясь к антецеденту и перефразируя вторую его часть. Таким образом, с 11-й минуты (с момента реализации энтимемы) по 41-ю минуту аудитория остается удерживаемой в активном со-размышлении.

При анализе языковых средств, задействованных в построении энтимемы, использованы комментирующие, сигнализирующие и информативные маркеры аргументативности¹⁹, отмечающие её части, каждая из которых состоит из нескольких высказываний:

- часть а: «Самым необычным <...> была работа... Но дело не в этом, а в том, что...»;
- часть с: «Это, собственно, то... То есть...».

Внутри антецедента присутствует неожиданный собственно риторический (не аргументативно-риторический) поворот «но дело не в этом, а в том, что...». Адресат, настроившийся было на привычное линейное восприятие готовой информации, внезапно встречает «перенастройку», которая является сигналом к пробуждению поисковой активности, предупреждением, благодаря которому открывается возможность уло-

вить отсутствие посылки. О том, что данная энтимема является единым комплексом речевых тактик в составе модели лекции, свидетельствует плотное взаимодействие в этом отрезке текста грамматических категорий, наличие выстроенной тема-рематической цепочки (особенно ярко это отражено в местоимениях, выполняющих дейктическую функцию), а также того факта, что внутри энтимемы не происходит смены функционально-семантического типа речи.

Выводы

Основанием структуры лекции как речевого жанра, находящегося на пересечении риторического метадискурса, аргументативного дискурса и академического, может выступать не только развернутый классический силлогизм, но также и его «свёрнутый» вариант — энтимема. Анализ лекционного материала показал, что не все варианты энтимем могут выполнять структурообразующую функцию. Только три варианта энтимем были использованы для создания перспективы раскрытия логики подачи информации:

- а) энтимема с логическим пропущенным консеквентом;
- б) энтимема с конвенционально пропущенной посылкой;
- в) энтимема с логически пропущенной посылкой.

Такие энтимемы определяют успешность реализации коммуникативной стратегии убеждения слушателя в достоверности получаемой им информации не только через активизируемое в нем со-рассуждение, но и через длительное ожидание адресатом ответа на вопрос, заложенный в энтимеме. Наиболее сложными энтимемами являлись энтимемы с пропущенной посылкой, так как они требовали от аудитории повышенного интереса к теме лекции (в ином случае их можно было не заметить), а от лектора — стратегического планирования подачи информации и учета интеллектуальных пределов адресата.

В проанализированных лекциях не встретилось диалектических энтимем, вероятно, в силу того, что они более свойственны семинарским занятиям, хотя и принципиально возможны в процессе чтения лекции. Данное наблюдение представляется важным, поскольку в противоположность отечественному академическому дискурсу, в англоязычном варианте лекций в настоящее время уже отмечается активное смешение жанров и переход лекции в «дружеское обсуждение научных вопросов»²⁰, при котором монолог заменяется свободным совместным рассуждением, завершающимся коллективным поиском решения вопроса, поставленного перед аудиторией преподавателем.

Примечания

- ¹ *Jacobs S., Jackson S.* Argument as natural category: The routine grounds for arguing conversation // *The Western Journal of Speech Communication*. N 45. P. 118–132.
- ² *Gilbert M. A.* Goals in Argumentation // *Practical Reasoning*. Bonn, 1995.
- ³ *Brinker K.* Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 1997. S. 79; *Hoffmann M.* Gestaltungsstrategien und strategisches Gestalten // *Beiträge zur Persuasionsforschung: unter besonderer Berücksichtigung text-linguistischer und stilistischer Aspekte*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998. S. 62–63.
- ⁴ *Брутян Г. А.* Очерк теории аргументации. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. С. 142–143.
- ⁵ *Голоднов А. В.* Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста // *Вестник ИГЛУ*. 2010. № 1 (9). С. 111.
- ⁶ *Аристотель*. Риторика. М.: Лабиринт, 2000. С. 5.
- ⁷ *Гольшикина Л. А.* Система типологических свойств риторического текста // *Мир русского слова*. 2015. № 3. С. 31–37.
- ⁸ *Мигунов А. И., Лисанюк Е. Н.* Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов // *ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 1. С. 77. DOI: 10.22204/2587–8956–2018–090–01–77–87. EDN: YNMEQX
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Баранов А. Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 48 с.
- ¹¹ *Дронова Г. Е.* Стилистические конфликты в ситуации научного общения // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6 (60). Ч. 3. С. 86–88; *Бурмакина Н. Г., Куликова Л. В.* Академический дискурс: институциональность, стиль, жанры. М., 2019. 200 с.; *Таланина А. А.* Логико-композиционная организация лекции (на материале лекции из серии «Лекции о Прусте» М. Мамардашвили) // *Вестник САФУ. Лингвистика*. 2020. № 6. С. 72–81. DOI: 10.37482/2687–1505-V065. EDN: AOTNAF; *Емельянова Н. А.* Лекция как разновидность риторически организованного дискурса: проблема овладения особенностями жанра // *Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. № 2. С. 95–103; *Дечева С. В., Аристова Д. Д.* Новый риторический формат жанра университетской лекции // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2023. Т. 29. № 2. С. 99–106. DOI: 10.18287/2542–0445–2023–29–2–99–106. EDN: SMMZKY.
- ¹² *Глушкова М. С., Згурская О. Г., Таланина А. А.* Возможности использования понятия «хронотоп» для описания жанра лекции // *Вестник ВолГУ*. 2021. Т. 20. № 2. С. 144–156. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.13. EDN: RATRGN.
- ¹³ Там же. С. 144.
- ¹⁴ *Вольф М. Н.* Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 426–440. DOI: 10.21638/spbu17.2020.301. EDN: OVUWMZ.
- ¹⁵ *Дечева С. В., Аристова Д. Д.* Риторика университетской лекции и ее эволюция в западной академической среде // *Litera*. 2022. № 10. С. 137. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38877. (дата обращения: 06.08.2025). DOI: 10.25136/2409–8698.2022.10.38877. EDN: IVFGFQ.
- ¹⁶ *Березина Н. С.* Маркёры аргументации в научном тексте: семантика и функционирование (на материале научной прозы М. М. Бахтина, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2018. 23 с.

- ¹⁷ Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1990. С. 15.
- ¹⁸ Мигунов А. И. Энтимема в аргументативном дискурсе // *Логико-философские штудии*. 2006. № 4. С. 164.
- ¹⁹ О типах маркеров см.: Некрасова М. Ю., Миронцева С. С., Байко В. А. Маркеры аргументации в англоязычных научных статьях гуманитарного и естественно-научного направлений // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 3449–3454. DOI: 10.30853/phil210550. EDN: QCVRAZ.
- ²⁰ Дечева С. В., Аристова Д. Д. Новый риторический формат...

Elena V. Buzalskaia, Wuhan University, China

THE ROLE OF THE ENTIMEME IN THE STRUCTURE OF A MODERN LECTURE

The purpose of this article is to identify the ability of enthymemes to act as elements that model the structure of a modern lecture as a speech genre that combines the parameters of argumentative discourse, academic discourse, and rhetorical metadiscourse. By analyzing theoretical material, the author constructs a terminological microfield of enthymemes. Based on the analysis of lecture material, the author identifies six types of enthymemes, only three of which can act as structural components of this genre.

Keywords: argumentative academic discourse; enthymeme; lecture; speech genre.

Ван Хунянь

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

st095505@student.spbu.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (УРОВЕНЬ B2)

В статье рассматривается проблема составления перечня отрицательных конструкций в русской научной речи, который может использоваться при обучении иностранных студентов (уровень B2). Предлагается возможный вариант такого перечня.

Ключевые слова: отрицательные конструкции; научный стиль; русский язык как иностранный; содержание обучения.

Под конструкцией понимается «формализованный пример синтаксической структуры с незаполненными лексическими позициями (на уровне словосочетания или предложения), включающий необходимый и достаточный для полноты выражения мысли минимум элементов»¹. Под отрицательными конструкциями понимаются конструкции, служащие для выражения отсутствия (отрицания наличия), невозможности (отрицания возможности), ненужности, нежелательности и др.»².

При обучении иностранных студентов (уровень B2) русской научной речи важно уделять внимание отрицательным конструкциям, которые используются в научном тексте с различными семантико-прагматическими функциями: отрицания действия, отсутствия предмета, отсутствия возможности, необходимости или желательности, выражения несогласия, возражения, негативной оценки какого-либо аспекта обсуждаемого вопроса, уточнения и т. д.³ При этом в учебных программах для продвинутого этапа обучения русскому языку как иностранному отсутствует перечень отрицательных конструкций, характерных для научного стиля речи. Необходимость определения такого перечня в ходе анализа текстов научных статей определяет актуальность данного исследования.

При разработке этого перечня осуществлялась опора на классификацию, представленную в «Книге о грамматике»⁴. Был проведен анализ 40 научных статей, опубликованных в журнале «Медиаскоп» в 2023 и 2024 гг., из них были извлечены примеры, соответствующие данной классификации. В случае, если примеры не обнаруживались, считалось, что дан-

ный вид отрицательной конструкции в научных текстах не встречается, и из перечня он удалялся. Описание отрицательных конструкций в перечне осуществлялось по структурному принципу — от формы к функции.

Представим основные отрицательные конструкции, которые целесообразно включить в состав содержания обучения иностранных студентов научному стилю речи на продвинутом этапе изучения русского языка.

1. Безличные предложения, в которых содержится предикатив с формантом *не* (нельзя, невозможно, немислимо):

Коммуникацию **нельзя отделить** от географического места, где происходит.

По вопросу профессиональных аспектов журналистики в научном сообществе **нет единого мнения**.

Популярный веб-ресурс Краснодарского края 93.ru (сетевое издание компании «Шкулев Медиахолдинг Городские порталы») интересуется тем, что людям **не нравится** в их работе.

2. Общеотрицательные предложения:

1) с простым глагольным сказуемым:

Осмысляя события прошлого, литература **не задает** исторический вопрос: «А как все было на самом деле?».

Многие печатные издания **не получили** разрешения на опубликование.

Однако исследователи до сих пор **не пришли** к единому пониманию природы информационного повода: в научных публикациях представлены лишь отдельные позиции.

2) с составным глагольным сказуемым:

Таким образом, коммуникативное пространство — это некий эквивалент социального: без человека и общества оно **не сможет существовать**.

Женское равноправие **не могло совместиться** с общим курсом государства на укрепление патриархальных ценностей.

Эти радикальные изменения и трансформации приводят к растерянности журналистов, которые **не могут** на ходу **перестроиться**.

3) с именным сказуемыми:

Тема эта сама по себе **не нова**.

О нормативах ОАО «РЖД», которые с юридической точки зрения **нарушены не были**, действиях компании в связи с инцидентом, декларировании ее намерений изменить правила провоза животных пишется в менее, чем 2% публикаций.

Гражданский статус **не был доступен** бывшему рабу даже в случае обретения личной свободы.

3. Частноотрицательные предложения:

Не менее важно было зафиксировать, какие виды искусства становились предметом публикаций.

«Женское образование» **был не** единственным журналом, который критически смотрел на «Друга женщин».

Не случайно в конце XX в. получает развитие концепция «использования и удовлетворения», согласно которой журналисты стремятся освещать и обсуждать те вопросы/ситуации/проблемы, на которые быстрее откликается широкая общественность.

4. Предложения со сложными союзами «не только ..., но и ...», «не ..., а ...» и т. п., выражающие «полемическое отрицание»⁵:

Теперь авторы видят **не только** счастливиц, **но и** неудачников, представляют истории их провалов, бегства от проблем, капитуляции.

Заметим, что победители могут быть названы поименно или не названы, потому что главные действующие лица **не** они, **а** те, кто оценивает и награждает — руководители, директора, губернаторы.

Не только образ человека труда потерялся на страницах постсоветской прессы, **но и** жанры, в которых этот образ отображался — зарисовка, очерк, репортаж — ушли с переднего края медиапрактик в тень.

5. Предложения с двойным отрицанием, выражающим две функции:

1) усиление отрицания:

Примечательно, что контент, отнесенный к жанру «история» в другие годы не выпускался — **ни** ранее, **ни** позднее.

Хотя у нас очень много русских воспитательниц, **но никогда** они **не** собирались для обмена своими мнениями в этом очень важном деле.

Мы **не** нашли **ни** одной диссертации или монографии на эту тему за последние 20 лет.

2) усиление утверждения:

Нельзя не отдать должное и главному редактору Михаилу Никифоровичу Каткову, который с поразительной точностью угадывал, какие именно материалы вызовут наибольший интерес у читателей журнала. Во многом именно благодаря ему «Русский Вестник» отличался удивительной современностью в выборе статей как оригинальных, так и переводных, затрагивал почти все актуальные интересы времени.

Немыслимо изолировать женский вопрос, пытаться решить его **без** соображения с возможностью разрешения множества других вопросов нашей жизни.

Отметим первый качественный сдвиг: для создания, обработки, передачи и приема телеграфного или фото-сообщения нужны специальные устройства («конвертеры неЧР»), **без** которых **невозможно** ЧР-взаимодействие с сообщением.

Отметим особую важность обучения иностранных студентов употреблению предложений с двойным отрицанием, так как в их родных языках таких конструкций может не быть. В китайском языке может иметь место двойное отрицание, но поскольку все отрицательные мар-

керы имеют отрицательное значение, то двойное отрицание выражает только утверждение. Иными словами, двойное отрицание в китайском языке по смыслу равноценно с отрицанием логическим. Двойное отрицание в русском языке с функцией усиления отрицания может вызывать у китайских учащихся непонимание.

При построении конструкций с двойным отрицанием и с усилением отрицания сложности обусловлены «самой возможностью усиления отрицания, его повторением, оформленным и закрепленным в языке», и «вариативностью конструкции с использованием отрицательных местоимений: при морфологическом словоизменении происходит перемещение предлога из препозиции в интерпозицию»⁶.

В состав содержания обучения иностранных студентов научному стилю речи на продвинутом этапе изучения русского языка также необходимо включать конструкции, содержащие сочетания существительных с предлогом:

*С ограничениями столкнулись и сами СМИ **вне зависимости от** индустрии (телевидение лишилось прав на трансляции некоторых событий, жизнь прессы осложнил рост цен на бумагу, а онлайн-издания были исключены из рекомендательной системы Google Discover, откуда ранее получали значительную долю трафика), и их SMM-службы, которые для преодоления возникших сложностей были вынуждены перестроить свою работу.*

*Поскольку в эмпирическую базу настоящей работы вошли медиатексты, объем которых варьировался от 29 до 38318 знаков **без пробелов**, мы посчитали целесообразным выделять доминирующую группу речевых жанров в рассматриваемых текстах.*

*Несмотря на некоторое сходство с практиками Китая, эффективность данных решений может оказаться куда меньше: правила были введены и реализованы **без консультаций** с общественностью и могут привести к откровенной цензуре.*

И не последнюю роль в выражения отрицания в научных текстах играют лексические средства (*отсутствие, недостаточно и т. д.*):

*Периодические издания России периода XVIII–XIX веков изучены весьма **неравномерно**.*

*В ряде работ <...> отмечается, что современные медиа превратились в самостоятельную среду порождения конфликтов, изначально **отсутствующих** в обществе.*

*В данном исследовании основным критерием систематизации являются факторы появления **недостоверной** научной информации.*

В методической литературе отмечается, что при обучении употреблению отрицательных предложений следует уделять внимание падеж-

ным формам и видам глагола⁷. Хотя категория вида глагола и категория падежа являются отдельными грамматическими категориями, они вместе составляют основу выражения смысла: синтаксическое отношение имени к другим словам и отношение действия. Поскольку категория отрицания считается семантической категорией, в изучение и преподавание выражения отрицания неизбежно вовлечены соответствующие части из категории вида глагола и категории падежа. И, безусловно, они влияют на корректность построения отрицательных конструкций. Вследствие этого в состав содержания обучения необходимо включать и конструкции, требующие употребления определенных падежных форм и видов глагола.

Таким образом, выделены отрицательные конструкции в научном стиле для преподавания иностранных студентов на продвинутом этапе по структурному принципу. Результаты данного исследования могут использоваться для подготовки учебных материалов.

Примечания

- ¹ Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. С. 112. EDN: XQRF7T.
- ² Величко А. В. Отрицание в русском предложении // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 422.
- ³ Беликова Е. А. Жанровая специфика функционирования отрицательных конструкций в научном дискурсе // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2021. № 4. С. 8–13. EDN: KIWFUK.
- ⁴ Величко А. В. Указ. соч. С. 422–424.
- ⁵ Инькова О. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: не только... но и // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 44–45.
- ⁶ Гао Юэ, Николаева Н. В. «Двойное отрицание» в русском языке: лингводидактический и лингвокультурологический аспект // Наука и школа. 2020. № 2. С. 139. DOI: 10.31862/1819-463X-2020-2-137-142. EDN: PFESKM.
- ⁷ Величко А. В. Указ. соч. С. 433–445; Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого и сложного предложения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. С. 225–227. EDN: QRDPGB.

Wang Hongyan, Saint Petersburg State University, Russia

NEGATIVE CONSTRUCTIONS IN SCIENTIFIC TEXT AS TEACHING MATERIAL FOR FOREIGN STUDENTS (LEVEL B2)

The article discusses the problem of compiling a list of negative constructions in Russian scientific speech that can be used in foreign students teaching (level B2). The author suggests one version of such list.

Keywords: negative constructions; scientific style; Russian as a foreign language; content of education.

Волкова Мария Андреевна,
Любимова Нина Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

180366mv@mail.ru; nina-lubimova@yandex.ru

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СОМНЕНИЯ В ОБЩЕМ ВОПРОСЕ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена вопросу изучения акустических особенностей интонационного оформления эмоционального значения сомнения в общем вопросе. Анализ аудиоматериала позволил определить медиану реализации рассматриваемой интонации в речи носителей русского языка. В сравнении с нейтральной (эмоционально неокрашенной) интонацией общего вопроса, интонация эмоционального значения сомнения характеризуется следующими изменениями: 1) длительность ударного гласного ядерного слова увеличивается на 19%; 2) ЧОТ ударного гласного ядерного слова понижается на 12%; 3) перепад ЧОТ в ядерном слове увеличивается на 37%; 4) длительность всей фразы увеличивается на 26%.

Ключевые слова: сомнение; эмоциональное значение; интонация; эмоциональная интонация.

Изучение языковой репрезентации эмоций — направление, которое получило широкое распространение в последние десятилетия и распространилось на различные сферы языкознания, в том числе и на фонетику. Изучение эмоциональной интонации как отдельного направления интонологии берет начало в первой трети XX века. Интонационное выражение эмоций привлекает внимание широкого круга ученых, подавляющее большинство которых признает лингвистичность эмоциональной функции интонации, среди них Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова, Л. А. Пиотровская, Э. А. Нушикян и др. Если эмоциональная функция интонации лингвистична (Л. А. Пиотровская), то у эмоциональных значений должны быть системно значимые интонационные особенности оформления, с помощью которых коммуниканты способны правильно распознавать эмоции даже в отсутствии невербального взаимодействия.

Эмоции могут выражаться различными языковыми средствами, однако интонация играет особую роль в их оформлении. Как отмечал А. М. Пешковский, «стоит только вспомнить обилие восклицательных

высказываний в нашей повседневной речи, <...> чтобы признать, что чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией»¹. Эмоциональная интонация является неотъемлемой частью любого языка и понимание особенностей интонационного оформления таких эмоциональных значений, как например, сомнение, помогает в формировании целостного представления о природе интонации.

Ранее определение акустических характеристик интонационных параметров при оформлении эмоционального значения сомнения в общем вопросе не подвергались тщательному рассмотрению в работах на материале русского языка, что и послужило дополнительной причиной обращения к этой теме в настоящей статье.

В основе работы лежит экспериментально-фонетический метод, метод компьютерной обработки данных (программа — PRAAT версии 6.4.19), прием направленной выборки корпусного материала, прием статистической обработки данных и прием анкетирования.

В настоящем исследовании предлагается комплексное понимание феномена *сомнение*, интегрирующее психологические и лингвистические аспекты. В **психологическом плане** сомнение, вслед за И. А. Васильевым², интерпретируется как особая интеллектуальная эмоция, которая обладает тесной связью с когнитивными процессами и имеет амбивалентную природу: с одной стороны, сомнение может временно ограничивать когнитивные процессы, поскольку подвергнутое сомнению предположение временно исключается из дальнейшего анализа; с другой стороны, оно выполняет важную эвристическую функцию, способствуя разрешению когнитивных конфликтов между конкурирующими гипотезами и стимулируя более тщательную подготовку конечного решения. Также сомнение не имеет определенной модальности (невозможно точно сказать, является ли эта эмоция положительной или отрицательной). Сомнение в **лингвистическом плане**, в соответствии с концепцией Н. Д. Светозаровой³, анализируется как особое *эмоциональное значение*, явление, входящее в систему языка. Являясь эмоциональным значением, сомнение характеризуется специфическими языковыми средствами выражения, как лексико-грамматическими, так и интонационными. Ему противопоставлена эмоциональная окраска (грусть, радость, гнев) — она универсальна и, строго говоря, не входит в сферу лингвистических интересов. Такой двухаспектный подход, охватывающий как сферу лингвистики, так и сферу психологии, помогает выстроить наиболее целостную модель анализа вербальной репрезентации сомнения.

Исследование проводится в русле фонетического направления изучения интонации, восходящего к традиции Л. В. Щербы, согласно кото-

рой звуковая сторона языка рассматривается во взаимосвязи с семантической. Одной из функций интонации признается эмоциональная, которая формирует подсистему эмоциональной интонации, обладающую специфическими единицами (эмоциональными интонационными контурами) и, как отмечает Н. Д. Светозарова⁴, имеющую неоднородный характер. Это выражается в том, что в данную подсистему входит как универсальная область эмоциональной окраски, так и специфическая область эмоционального значения. Также при проведении исследования учитывалась взаимосвязь лексико-грамматической и интонационной сфер языка, в связи с чем фонетический эксперимент предварялся анализом корпусных данных.

Основа фонетического эксперимента

Тесная связь лексико-грамматической и интонационной сфер языка не раз доказывалась исследователями (в том числе Н. Д. Светозаровой и Л.А. Пиотровской⁵). Фонетическое исследование не может быть проведено без обращения к тщательно отобранному текстовому материалу. С целью выявления особенностей функционирования эмоционального значения сомнения (далее — ЭЗС) был проведен анализ контекстов из Национального корпуса русского языка (URL: <https://ruscorpora.ru/>), отобранных с помощью метода направленной выборки. Поиск по корпусу осуществлялся в соответствии со следующими критериями.

- 1. Хронологические рамки материала: с 30-х годов XX века и до наших дней.** Такое ограничение было установлено, так как нормы выражения эмоций нестабильны, они меняются от одной эпохи к другой, что справедливо отмечает в своих работах В. И. Шаховский⁶.
- 2. Текстовой основой являются художественные тексты.** Художественный текст — популярная основа интонационных исследований, так как он «представляет собой нечто иное, как упорядоченные и организованные тенденции живой речи» (Ш. Балли⁷).
- 3. Отбираются примеры следующей структуры:** «прямая речь героя + авторская ремарка». Данный критерий позволяет проследить, как функционирует ЭЗС в отдельных высказываниях, а не в широкой структуре текста.
- 4. Примеры не должны содержать лексико-синтаксических или графических указаний на эмоциональное значение сомнения.** Этот критерий необходим, так как лексико-грамматическая сторона языка связана с интонационной и влияет на нее. Цель данной работы — проследить именно интонационные особенности оформления ЭЗС, поэтому любые языковые маркеры, указывающие на эмотивный компонент значения, были исключены. Авторский комментарий — един-

ственный признак наличия ЭЗС в речи персонажа: Ты едешь завтра в Москву? — *спросил Аркадий с сомнением*.

5. **Указание на ЭЗС может быть выражено только с помощью специализированных маркеров сомнения в авторской речи.** По мнению И. Г. Никольской, специализированные маркеры — «ядерные средства, передающие *инвариантную категориальную ситуацию сомнения*»⁸. Под *инвариантной категориальной ситуацией сомнения* исследователь предлагает понимать следующее: субъект (обладая или не обладая достаточной информацией о факте *P*) стоит перед выбором — соответствует ли факт *P* действительности или нет; он склоняется к тому, что, скорее всего, информация не верна; при этом осознание источника сомнения не является обязательным⁹.

Список специализированных маркеров семантики сомнения состоит из следующих единиц:

- маркеры — модальные частицы: *вряд ли, едва ли, навряд ли*;
- маркированные глаголы с семантикой сомнения: *сомневаться, усомниться, засомневаться*;
- маркированное наречие *сомнительно*;
- маркированные прилагательные с семантикой сомнения: *сомнительный (сомнителен)*;
- номинант — название соответствующей эмоции, существительное *сомнение*.

В нашей работе проводится анализ интонационного оформления «чистого» ЭЗС, не осложненного дополнительными оттенками, которые в письменном тексте могут выражаться с помощью неспециализированных маркеров и предположительно имеют специфическое интонационное оформление.

Анализ примеров из НКРЯ позволяет сделать вывод о том, что ЭЗС наиболее часто реализуется в вопросительных структурах. Так, из 336 рассмотренных примеров 196 (59%) случаев являются реализацией в вопросительных предложениях; 140 (41%) случаев — в повествовательном; 0 — в побудительном). Для ЭЗС реализация в восклицательных предложениях нетипична, встретилось всего 10 примеров. В подавляющем количестве случаев ЭЗС реализуется в общем вопросе. Тот факт, что ЭЗС реализуется чаще всего в вопросительном типе предложения, может быть объяснен спецификой эмоции сомнения как интеллектуальной, то есть непосредственно связанной с когнитивными, познавательными процессами, предполагающими постановку вопросов и поиск ответа на них.

С учетом результатов проведенного анализа корпусного материала для фонетического эксперимента был создан ряд высказываний. Так как

сомнение чаще всего реализуется в общем вопросе и повествовании, в эксперименте были задействованы высказывания этих двух коммуникативных типов:

- (1) — *Она приехала вчера, — с сомнением ответил Алексей Дмитриевич.*
- (2) — *Волков здесь не встречали, — сомневался мальчик*
- (3) — *Это не ошибка? — с сомнением спросил Петр.*
- (4) — *Мы правильно едем? — с сомнением спросила Ольга.*
- (5) — *В июле там очень жарко, — с сомнением ответил Павел.*
- (6) — *Это точная информация? — с сомнением спросил Гриша.*
- (7) — *Окно обычно закрыто, — в голосе Антонины чувствовалось сомнение.*
- (8) — *Они справятся с задачей? — с сомнением спросила Татьяна.*

Фонетический эксперимент

В эксперименте участвовало 10 носителей русского языка в возрасте от 18 до 23 лет. В первый день дикторам было предложено записать на диктофон восемь предложений с нейтральной интонацией; авторские ремарки были изъяты из предложений, чтобы исключить подсознательное воздействие лексико-грамматических средств на воспроизводимую интонацию. На второй день участники должны были прочитать эти же восемь предложения с интонацией сомнения, на возможность реализации которой указывала авторская ремарка, содержащая специализированный маркер сомнения.

Предварительный анализ корпусных данных позволил сделать предположение о том, что у дикторов возникнут сложности с реализацией интонации сомнения в повествовательных предложениях без лексико-грамматических указаний на ЭЗС, так как повествование — менее распространенная структура для рассматриваемого эмоционального значения.

Для того чтобы дикторы могли реализовать ЭЗС в повествовательных высказываниях, дополнительно были созданы небольшие контексты к каждому из четырех предложений, которые указывают на возможную ситуацию реализации сомнения:

1. — *Он рассказал мне, как сегодня утром забирал Глафиру Львовну с вокзала.*
— *Она приехала вчера, — с сомнением ответил Алексей Дмитриевич.*
2. — *Следы были большими и глубокими. Вероятно, их оставил крупный зверь. Может быть, это были волки?*
— *Волков здесь не встречали, — сомневался мальчик.*
3. — *Говорят, лучший месяц для поездки в Сочи — июль: мягкое солнце и температура не поднимается выше двадцати пяти градусов.*
— *В июле там очень жарко, — с сомнением ответил Павел.*

4. — *Как же они могли попасть в квартиру? Дверь была заперта, и следов взлома не обнаружено. Остаётся только один возможный путь — через окно. — Окно обычно закрыто, — в голосе Антонины чувствовалось сомнение.*

Последующее анкетирование показало, что предложенные контексты помогли большинству участников эксперимента представить возможную ситуацию реализации интонации сомнения. Тем не менее, контексты не позволили устранить все трудности. Так, 88% респондентов отметили, что воспроизведение предложений этого типа вызвало у них затруднения. В то же время только 11% респондентов столкнулись с трудностями при записи вопросительных высказываний¹⁰.

Предположительно, трудности реализации повествовательных высказываний с исследуемой интонацией связаны с тем, что в некоторых случаях интонация имеет более тесную связь с лексико-грамматической структурой предложения и требует обязательного наличия соответствующих эмоциональных маркеров. Однако данное замечание требует дальнейшей экспериментальной верификации и обращения к вопросу наличия *принципа замены* в эмоциональной интонации.

В рамках настоящей работы компьютерному и слуховому фонетическому анализу подвергаются интонационные реализации только вопросительных предложений, так как:

- 1) вопросительная структура наиболее естественна для ЭЗС;
- 2) опросные данные свидетельствуют о минимальных трудностях при воспроизведении, причем слуховой анализ подтверждает наличие ЭЗС в записанных образцах;
- 3) слуховой анализ реализаций повествовательных предложений показал, что в значительном числе случаев дикторы не смогли интонационно оформить требуемое ЭЗС.

В ходе исследования детально анализировались 40 аудиозаписей предложений (3, 4, 6 и 8):

- (3) *Это не ошибка?*
- (4) *Мы правильно едем?*
- (6) *Это точная информация?*
- (8) *Они справятся с задачей?*

Следует отметить, что из-за наличия выбросов (значений, резко отличающихся от ряда других) вместо среднего арифметического было использовано медианное значение, что позволило избежать влияния выбросов на финальный результат подсчетов.

С помощью компьютерного фонетического анализа были измерены следующие параметры:

- ЧОТ ударного гласного (УГ) всех слов синтагмы;
- длительность УГ всех слов синтагмы;
- интенсивность УГ всех слов синтагмы;
- перепад ЧОТ в ядерном слове (разность между самым низким/высоким показателем ЧОТ ударного гласного и самым низким/высоким показателем ЧОТ заударной части ядерного слова);
- общая ЧОТ высказывания;
- общая длительность;
- общая интенсивность;
- средние показатели по дикторам (ЧОТ, темп, интенсивность).

Для анализа была использована программа PRAAT версии 6.4.19. Слуховой метод анализа был применен для определения ядерного слова синтагмы и фиксации наличия/отсутствия интонационно оформленного ЭЗС.

После получения описанных выше данных был проведен сопоставительный анализ параметров нейтральных и эмоциональных интонационных реализаций. Данные о нейтральной реализации использовались как начальное значение, ноль, от которого фиксировались различного рода отклонения при интонационном оформлении ЭЗС.

Было установлено, что интонация сомнения в общем вопросе реализуется за счет трех основных параметров:

- 1) увеличения длительности ударного гласного ядерного слова (далее — УГ ЯС);
- 2) понижения ЧОТ УГ ЯС;
- 3) увеличения перепада ЧОТ в ядерном слове.

Данные параметры могут встречаться в различных комбинациях, однако в отдельных случаях интонация сомнения может четко реализоваться даже при задействовании лишь одного из параметров.

Такой способностью обладает параметр, который участвует в реализации исследуемой интонации наиболее последовательно, — **увеличение длительности**. В 88% случаев (за 100% взято общее количество воспроизведений всех предложений с интонацией сомнения, т. е. 36) присутствует хотя бы один из двух параметров: повышение длительности УГ ЯС и/или повышение длительности предъядерной/заядерной части интонационной структуры. Так как встречаются реализации, в которых увеличение длительности является единственным объективным показателем наличия интонации сомнения, то этот параметр может быть признан самым независимым. Однако интонация в данных примерах не так выразительна, и ее распознавание может быть затруднено. Также отметим, что выраженная **паузация** может свидетельство-

вать о реализации изучаемого ЭЗС, однако данный параметр не был задействован последовательно, мог появляться в различных частях высказываний и применялся только отдельными дикторами. Причины возникновения паузации могут быть связаны как с индивидуально-речевыми особенностями дикторов, так и с наличием дополнительных эмоциональных оттенков. Данный вопрос требует дальнейшего исследования.

В двух случаях была замечена уникальная стратегия реализации сомнения, которая заключается в резком повышении ЧОТ УГ ЯС. Такое повышение свойственно только одному из дикторов, что может свидетельствовать о наличии альтернативного способа выражения интонации сомнения или об индивидуальном варианте. Однако степень узнаваемости ЭЗС в данном случае должна быть подвергнута проверке.

Понижение ЧОТ — важный параметр, который выступает частью стратегии реализации интонации сомнения у большинства дикторов. Понижение ЧОТ в какой-либо форме встречается в 69% случаев. По частоте понижение ЧОТ УГ ЯС и понижение ЧОТ предъядерной и/или заядерной частей встречается примерно с одинаковой частотой. Отметим, что эти два вида понижения ЧОТ могут не только дополнять друг друга, но и выступать отдельно. Эксперимент также показал, что понижение ЧОТ не может быть единственным компонентом стратегии выражения интонации сомнения, он всегда сочетается с другими.

Повышенный перепад ЧОТ внутри ядерного слова также часто входит в стратегию реализации интонации сомнения в общем вопросе и встречается в 47% случаев. Наши данные не выявили примеров, когда перепад ЧОТ выступает в качестве изолированного параметра. В 100% он сочетается с другими, однако это не говорит о его второстепенной роли. Так, в некоторых случаях большой перепад ЧОТ является самым выраженным параметром, имеющим определяющий характер в формировании интонации сомнения, в то время как небольшое увеличение длительности играет лишь вспомогательную функцию. Например, у диктора № 5 (высказывание № 3) наблюдается небольшое понижение ЧОТ УГ ЯС и незначительное увеличение длительности УГ ЯС — ниже медианного значения. В то же время перепад ЧОТ выше, чем в нейтральной реализации, на 76%, что позволяет сделать предположение о ключевом значении параметра в рассмотренном случае. Пример обратной ситуации представлен у диктора № 3 (высказывание № 4). Было зарегистрировано небольшое увеличение перепада ЧОТ (5%) и значительное увеличение длительности ударного гласного первого слога синтагмы (в 4 раза).

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что интонация сомнения находит естественное выражение в общем вопросе даже при отсутствии лексико-грамматических маркеров, указывающих на данное эмоциональное значение. Акустический анализ подтвердил, что интонационное оформление сомнения реализуется через несколько ключевых параметров, которые могут быть задействованы в различных комбинациях. Вариативность стратегий может быть объяснена:

- наличием взаимозаменяемых способов;
- относительной свободой вариации отдельных параметров;
- наличием различных ситуаций реализации ЭЗС, к которым подсознательно обращались участники, используя нетипичные способы интонационного оформления.

Компьютерный анализ аудиоматериалов позволил определить медианные значения акустических параметров, характерных для интонационного выражения эмоционального значения сомнения в общих вопросах (результаты представлены в таблице). Полученные данные свидетельствуют о том, что интонация сомнения в русском языке обладает устойчивыми акустическими характеристиками, поддающимися объективному измерению.

Таблица

Медиана реализации интонации сомнения в общем вопросе

Параметр	Частотность задействованности параметра в интонационном оформлении ЭЗС (в процентах)	Изменение показателей параметра относительно нейтральной интонации (в процентах)
Увеличение длительности УГ ЯС	75%	19%
Понижение ЧОТ УГ ЯС	58%	12%
Увеличение перепада ЧОТ в ядерном слове	63%	37%
Увеличение длительности всей фразы	80%	26%

Примечания

¹ Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просв. РСФСР, 1959. С. 177–198.

² Васильев И. А. История и современное состояние проблемы интеллектуальных эмоций и чувств // «Искусственный интеллект» и психология / ред. О. К. Тихомиров. М., 1976. С. 133–175.

- ³ Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. С. 176.
- ⁴ См: Там же.
- ⁵ Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 168.
- ⁶ Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. С. 416.
- ⁷ Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда; вступ. ст. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит, 1961. С. 125.
- ⁸ Никольская И. Г. Семантика сомнения и способы ее выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 110–144.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Из финального анализа были исключены данные диктора № 10, так как он оказался единственным участником, который не справился с заданием. Слуховой анализ показал, что диктор № 10 не реализовал интонацию сомнения ни в одном из предложений. Компьютерный анализ акустических параметров подтвердил этот вывод, хотя и выявил минимальные колебания параметров. Примечательно, что направленность изменений соответствовала выявленным паттернам, что может свидетельствовать о наличии у диктора сформированности корректной языковой модели, но невозможности ее реализации по неустановленным причинам.

Maria A. Volkova, Nina A. Liubimova, Saint Petersburg State University, Russia

THE ACOUSTIC CORRELATES OF DOUBT IN RUSSIAN POLAR QUESTIONS

This article investigates the acoustic features of intonation conveying the emotional meaning of doubt in Russian polar questions. The analysis of audio recordings revealed a median realization pattern for this intonation contour among native Russian speakers. Compared to the neutral (emotionally unmarked) intonation of a polar question, the doubt contour is characterized by the following changes: (1) a 19% increase in the duration of the nuclear word's stressed vowel; (2) a 12% decrease in the fundamental frequency (F0) of the stressed vowel; (3) a 37% greater F0 range within the nuclear word; and (4) a 26% increase in the overall phrase duration.

Keywords: doubt; emotional meaning; intonation; emotional prosody.

Дай Юньфан
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
173777122@qq.com

НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В КИТАЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается проблема нарушения китайскими учащимися порядка слов в русских словосочетаниях. На основе экспериментального исследования, проведенного среди китайских школьников (уровень владения русским языком — А2), выявлены и систематизированы пять основных типов ошибок, вызванных интерференцией китайского языка. Автор показывает, что основной причиной ошибок является не только межъязыковая интерференция, но и системное отсутствие данной темы в учебных программах и пособиях.

Ключевые слова: порядок слов; типичные ошибки; китайские учащиеся; методика обучения; русские словосочетания.

Одним из наиболее трудных грамматических явлений для иностранцев, изучающих русский язык, является порядок слов, подчиняющийся строгим правилам¹. Доказано, что соблюдение этих правил обеспечивает смысловую точность высказываний и связность текста². При этом все ещё существует мнение о том, что в русском языке порядок слов свободный: оно получает отражение в учебных пособиях и приводит к ошибкам в устной и письменной речи иностранных учащихся³.

Несмотря на значительный вклад лингвистических исследований в изучение порядка слов в русском языке⁴, данная тематика остаётся недостаточно представленной как в учебниках русского языка, так и в практике преподавания, что неизбежно приводит к систематическим ошибкам в построении предложений и словосочетаний у изучающих язык.

В рамках углубленного изучения типичных ошибок в построении русских словосочетаний китайскими учащимися в 2024 году на базе средней школы имени Кайцзюй (г. Хуайбэй, провинция Аньхой, КНР) было проведено комплексное экспериментальное исследование.

В исследовании приняли участие 90 учащихся 12-х классов в возрасте 17–18 лет, равномерно распределенных по двум параллельным классам. Все участники:

- находились на третьем году изучения русского языка по стандартной учебной программе;
- демонстрировали уровень владения языком, соответствующий уровню А2;
- имели сопоставимую учебную нагрузку (4 академических часа русского языка в неделю);
- ранее не проживали в русскоязычной среде.

В ходе эксперимента испытуемым было предложено выполнить перевод словосочетаний с китайского языка на русский. По завершении тестирования проводился детальный анализ работ, включавший:

- 1) проверку выполненных заданий;
- 2) выявление и классификацию ошибок;
- 3) интерпретацию возможных причин их возникновения.

Результаты исследования показали следующее распределение: из 540 полученных ответов 361 (67%) были признаны правильными, тогда как 179 ответов (33%) содержали нарушения порядка слов.

Проведенный анализ позволил выделить пять основных типов ошибок, связанных с порядком слов в словосочетаниях.

1. При наличии двух прилагательных отмечается нарушение порядка следования качественного и относительного прилагательных.
2. Нарушение порядка следования двух качественных прилагательных.
3. Допускаются нарушения правил употребления определительного, указательного и притяжательного местоимений.
4. Нарушение порядка следования определяемого слова и несогласованного определения.
5. Неверное расположение приложения перед определяемым именем существительным.

Рассмотрим типичные нарушения порядка слов в русских словосочетаниях, допущенные учащимися китайской школы.

1. Нарушение порядка следования качественного и относительного прилагательных.

При построении словосочетаний с двумя и более прилагательными китайские учащиеся часто допускают ошибки в последовательности определений, выраженных качественными и относительными прилагательными. В русском языке принято ставить качественное прилагательное ближе к существительному, а относительное — дальше, тогда как в китайском языке наблюдается обратная тенденция, например:

китайские редкие животные (вм.: *редкие китайские животные*)
中国的稀有动物

русские молодые спортсмены (вм.: *молодые русские спортсмены*)

俄罗斯的年轻运动员

Пекин — один из китайских красивых городов.

(вм.: *Пекин — один из красивых китайских городов.*)

北京是中国最美丽的城市之一

Во всех этих примерах мы видим влияние родного языка: в китайском языке относительное прилагательное (например, *китайские, русские*) обычно предшествует качественному (*редкие, молодые, красивые*), что приводит к прямому переносу грамматической структуры.

2. Нарушение порядка следования двух качественных прилагательных. Например:

черные огромные глаза (вм.: *огромные черные глаза*)

黑黑的大眼睛

легкий приятный ветерок (вм.: *приятный легкий ветерок*)

轻柔舒适的风

Данные примеры наглядно демонстрируют принципиальное различие в организации атрибутивных конструкций между русским и китайским языками. В отличие от китайского языка в русском языке учитывается различие в степени семантической характеристики прилагательных, т. е. прилагательное со значением более фиксированной характеристики ставится ближе к определяемому существительному⁵.

3. Нарушение правил употребления определительного, указательного и притяжательного местоимений.

В русскоязычной речи китайских учащихся систематически наблюдаются ошибки в расположении различных типов местоимений в атрибутивных словосочетаниях. Характерные примеры таких нарушений:

ваши все эти советы (вм.: *все эти ваши советы*)

你们所有的这些建议

его всякий поступок (вм.: *всякий его поступок*)

他的各种行为

мой этот друг (вм.: *этот мой друг*)

我的这位朋友

Лингвистический анализ показывает, что в русском языке действует строгая иерархия местоимений:

- указательные местоимения (*этот, тот*);
- определительные местоимения (*все, всякий, каждый*);
- притяжательные местоимения (*мой, твой, его*).

При этом местоимения располагаются в указанном порядке перед определяемым словом.

В китайском языке наблюдается обратная последовательность:

- сначала употребляется притяжательное местоимение;
- затем следует определительное или указательное местоимение;
- в конце ставится определяемое слово.

4. Нарушение порядка следования определяемого слова и несогласованного определения. Например:

Я нашёл брата телефон. (вм.: *Я нашёл телефон брата.*)

我找到了兄弟的手机。

Профессора дочь работает в Китае.

(вм.: *Дочь профессора работает в Китае.*)

教授的女儿在中国工作。

Она читает Толстого роман. (вм.: *Она читает роман Толстого.*)

她在读托尔斯泰的小说。

Таким образом, в русском языке действуют такие закономерности:

- несогласованное определение (существительное в родительном падеже) следует после определяемого слова;
- сохраняется строгий порядок: «определяемое + определение»;
- грамматическая связь выражается падежным согласованием.

В китайском языке:

- определяющий компонент предшествует определяемому слову;
- используется конструкция «определение + 的 + определяемое»;
- отсутствуют грамматические показатели согласования.

5. Неверное расположение приложения перед определяемым именем существительным. Например:

Ван учитель интересно объясняет урок.

(вм.: *Учитель Ван интересно объясняет урок.*)

王老师讲课很有趣。

Иван дядя работает в Санкт — Петербурге.

(вм.: *Дядя Иван работает в Санкт — Петербурге.*)

伊万叔叔在圣彼得堡工作。

Иванов доктор осматривает больного.

(вм.: *Доктор Иванов осматривает больного.*)

伊万诺夫医生在检查病人。

В китайском языке уточняющее приложение обычно предшествует определяемому имени существительному. Например, в третьем предложении в словосочетании правильный порядок — *доктор Иванов* (*доктор* — 医生, *Иванов* — 伊万诺夫), а на китайском языке — 伊万诺夫医生 (*досл. Иванов доктор*).

Таким образом, в русском языке действуют следующие закономерности:

- общее наименование (родовое понятие) предшествует индивидуальному (имени собственному);

- сохраняется строгий порядок: «нарицательное существительное + имя собственное»;
- приложение согласуется с определяемым словом в падеже.

В китайском языке:

- имя собственное предшествует нарицательному существительному;
- используется конструкция «имя + должность / родство»;
- отсутствуют грамматические показатели согласования.

Психолингвистическими причинами ошибок являются разные стратегии идентификации (в русском языке — от общего к частному, в китайском — от частного к общему), грамматическая интерференция (механический перенос китайской синтаксической модели), игнорирование принципов согласования в русском языке.

Анализ типичных ошибок китайских учащихся средних школ при изучении русского языка выявляет устойчивую закономерность: большинство синтаксических нарушений в построении словосочетаний обусловлено двумя взаимосвязанными факторами — недостаточным владением правилами порядка слов в русском языке и неизбежным в этих условиях влиянием порядка слов родного языка.

Проведенное исследование показывает, что ключевой причиной ошибок является системный пробел в методике преподавания: в китайской учебной программе по русскому языку отсутствует целенаправленное изучение темы «Порядок слов в словосочетании». Этот важнейший аспект русской грамматики не представлен ни в методических пособиях, ни в школьных учебниках. Хотя отдельные упражнения на составление словосочетаний в учебных материалах присутствуют, они носят фрагментарный характер и не охватывают всей системы правил. В частности, совершенно не рассматриваются:

- правила расположения двух и более согласованных определений относительно определяемого слова;
- порядок следования определяемого слова и несогласованного определения;
- особенности позиционного варьирования компонентов словосочетания в зависимости от смысловых акцентов.

При этом подобные конструкции регулярно встречаются в учебных текстах, что создает дополнительные трудности для учащихся.

Таким образом, данная проблема носит комплексный характер. С одной стороны, ошибки обусловлены межъязыковой интерференцией — естественным переносом грамматических моделей китайского языка на русскую почву. С другой — они являются следствием методических упущений в преподавании.

Для эффективного решения этой проблемы необходимо:

- 1) разработать системный теоретический материал по теме «Порядок слов в русском словосочетании»;
- 2) включить в учебники специальные упражнения, направленные на:
 - осознание различий в структуре русских и китайских словосочетаний;
 - отработку правильного порядка компонентов;
 - преодоление интерференции родного языка;
- 3) использовать контрастивный подход, наглядно демонстрирующий различия в синтаксической организации двух языков.

Только комплексный методический подход, учитывающий как лингвистические, так и психологические аспекты усвоения второго языка, позволит минимизировать типичные ошибки китайских учащихся в построении русских словосочетаний.

Примечания

- ¹ Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976; Хавронина С. А., Крылова О. А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. М.: Русский язык, 1989.
- ² Мао Юйпэн. Характеристика ошибок в области порядка слов в письменной речи китайских учащихся // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. С. 97–102.
- ³ Рябова О. В. Порядок слов в аспекте русского языка как иностранного: специфика изучения (уровни B2 — C1) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. P. 62–66. EDN: SGEONJ.
- ⁴ Ковтунова И. И. Указ. соч.
- ⁵ Цзян Ямин, Чжао Айго. Чжунго сюэшэн эюй цысю чацзянь цоуу фэнси [Анализ пространственных нарушений русского порядка слов в работах китайских учащихся] // Чжунго эюй цзяосюэ [Русский язык в Китае]. 2005. № 24. С. 32 (на китайском языке; 姜雅明, 赵爱国, 《中国学生俄语词序常见错误分析》, 中国俄语教学, 第24卷, 第1期, 2005年, 32页).

Dai Yunfang, Saint Petersburg State University, Russia

VIOLATIONS OF WORD ORDER RULES IN RUSSIAN PHRASES: AN EXPERIMENTAL STUDY IN A CHINESE SECONDARY SCHOOL

The article examines the problem of Chinese students violating word order in Russian phrases. Based on an experimental study conducted among Chinese schoolchildren (proficiency level A2), five main types of errors caused by Chinese language interference were identified and systematized. The author demonstrates that the primary cause of the errors is not only cross-linguistic interference but also the systematic absence of this topic in curricula and teaching materials.

Keywords: word order; typical errors; Chinese students; teaching methodology; Russian phrases.

Захарова Мария Юрьевна,
Цховребов Алан Солтанович
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
grassi_mi@mail.ru; alanec1985@mail.ru

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОДТЕКСТА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуются парцеллированные конструкции как средство выражения подтекстовых смыслов в современном художественном тексте. Рассматривается их роль в передаче эмоционального состояния персонажей и рассказчика, а также их влияние на вовлеченность читателя в процесс интерпретации текста. Особое внимание уделяется семантико-структурным особенностям парцелляции и их значению для декодирования имплицитных смыслов. Актуальность исследования обусловлена высокой частотностью парцеллированных конструкций в современной прозе и их важностью для понимания многоуровневой семантики текста.

Ключевые слова: парцелляция; подтекст; экспрессивный синтаксис; художественный текст; интерпретация.

Явление парцелляции занимает важное место в системе экспрессивного синтаксиса современного русского языка, так как активно используется в художественной прозе для передачи сложных смыслов и эмоциональных состояний. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных структурным особенностям парцеллированных конструкций, их роль в формировании эмоционального подтекста до сих пор не получила системного описания в лингвистической литературе. Этот факт становится особенно заметным в свете возрастающей частотности использования парцелляции в современной прозе, в которой эмоциональный подтекст играет ключевую роль в создании психологической глубины и многомерности повествования, требуя от читателя активного участия в декодировании скрытых смыслов. Изучение подтекста через призму парцелляции особенно значимо, поскольку парцеллированные конструкции, нарушая синтаксическую целостность предложения, создают смысловые «разрывы», которые и становятся импульсом для поиска подтекста, так как вызывают необходимость действия ассоциативных механизмов мышления для выведения смысла.

Комплексный анализ значения, структуры и функционирования парцелированных конструкций, содержащих в себе подтекстовые смыслы, позволит расширить знания о декодировании смысловых уровней текста, которое представляется сложным процессом как для носителей, так и для иностранцев, изучающих русский язык, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Путь к изучению подтекста в отечественной филологии одним из первых открыл Б. А. Ларин, полагавший, что в художественном тексте существуют «тонкие семантические нюансы, которые воспринимаются, но не имеют своих знаков в речи, а образуются в художественном контексте, наслаиваясь на прямое значение слова»¹. Большой вклад в исследование явления внес И. Р. Гальперин, предположивший, что подтекстовая информация возникает благодаря способности языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а в ее основе лежит способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях или к восприятию разных, но связанных между собой отношений одновременно². Вопрос о том, что именно особая синтаксическая организация является условием формирования подтекстовых смыслов, рассматривался Н. В. Пушкиревой³.

В настоящем исследовании сочетаются структурно-семантический анализ парцелированных конструкций, анкетирование носителей русского языка, а также контекстуальный и дистрибутивный методы.

Парцелляция понимается как намеренное синтаксическое расчленение предложения на интонационно самостоятельные части, графически выделенные точкой. Подтекст, в свою очередь, — это «эмоциональная составляющая смысловой структуры текста, т. е. переданная лингвистическими средствами информация об эмоциональном состоянии персонажей или рассказчика»⁴.

Целью исследования является выявление структурно-семантических особенностей парцелированных конструкций, выражающих эмоциональный подтекст, и определение их роли в организации текста. Материалом исследования послужил рассказ В. Свешникова «Компас», опубликованный в литературно-художественном журнале «Звезда» в 2024 году. Текст был выбран согласно следующим критериям:

- 1) **лингвистическая значимость:** Высокая частотность парцелированных конструкций (в среднем 1 конструкция на 100–150 слов в тексте); разнообразие структурных типов парцелированных конструкций, вариативность пунктуационного оформления;
- 2) **специфика нарративной структуры:** текст характеризуется большим количеством разговорных интонаций; отличается полифоничностью

повествования: сочетает детское восприятие мира со взрослой рефлексией, что создает сложную систему эмоциональных планов, выраженных через синтаксические средства;

- 3) **особенности художественного воплощения темы:** центральные темы рассказа (память, детство, связь человека с природой) реализуются через эмоционально-оценочные высказывания;
- 4) **хронологическая релевантность:** текст отражает актуальные тенденции в использовании парцелляции в русской прозе XXI века.

Общий объем анализируемых контекстов составляет приблизительно 8000 слов. Выборка включает 35 случаев парцеллированных конструкций. Идентификация эмоционального содержания осуществлялась по следующим маркерам:

- 1) **лексико-семантические маркеры:** глаголы эмоционального состояния; выражения с экспрессивной коннотацией, созданной частицами или междометиями;
- 2) **пунктуационные маркеры:** многоточие, используемое для передачи недосказанности, создания эмоциональной паузы, описания размышлений; восклицательный знак, используемый для акцентирования эмоциональной интенсивности и создания ритмико-интонационного контраста;
- 3) **синтаксические маркеры:** односоставные / нераспространенные предложения; лексические повторы;
- 4) **контекстуальные маркеры:** парцелляция в диалогах/внутренней речи; парцелляция в сочетании с другими экспрессивными средствами (метафоры, сравнения, пр.).

Кроме того, в рамках исследования было проведено анкетирование с целью выявления особенностей восприятия парцелляции как средства передачи эмоционального подтекста. В опросе приняли участие 52 респондента, дифференцированных по возрастным группам, профилю образования и частоте чтения художественной литературы. Участникам исследования предлагалось проанализировать отрывки текста, содержащие парцеллированные конструкции и определить основную эмоцию, которую испытывает герой произведения. Следует отметить, что респондентам предлагались варианты ответа, составленные на основе первичного анализа примеров, а также предоставлялась возможность вписать ответ самостоятельно. Затем участники исследования работали с реконструированными вариантами тех же отрывков, в которых парцелляция была устранена, и оценивали, изменилось ли эмоциональное содержание текста. Таким образом устанавливалось соотношение исходного и преобразованного вариантов парцеллированных конструкций.

В рамках настоящего исследования мы сочли целесообразным детально остановиться на некоторых единицах трех самых частотных структурных типов парцеллированных конструкций — парцелляции сказуемого, дополнения и сложного предложения. Критерием отбора послужила способность парцеллированных конструкций актуализировать смысловые доминанты текста: анализ был ограничен теми случаями, которые имеют непосредственное отношение к центральной идее произведения. Представленный подход позволяет проследить, как парцеллированные конструкции участвуют в вербализации ключевых концептов текста и способствуют реализации его идейного содержания.

Сначала обратимся к самому частотному типу — **парцелляции сказуемого**. Контекстная ситуация приведенного отрывка — вызов ученика к доске для ответа по заданию урока:

«Васька Ерохин (по прозвищу Еж) встает и направляется к доске трагическим шагом. Топчется у карты. Погружается в размышления. Краснеет.» (В. Свешников. Компас).

Каждая выделенная синтагма здесь образует самостоятельный речематический фокус: «встает и направляется» — фиксация инициальной фазы действия, «топчется» — маркирование состояния нерешительности, «погружается» — переход к когнитивному процессу, «краснеет» — регистрация физиологической реакции. Структурный анализ данной конструкции выявляет постепенную редукцию длины синтагм (от 7 до 1 слова), смену аспектуальных характеристик глаголов (переход от динамических глаголов (*встает, направляется*) к стативным (*топчется, погружается*) и далее к результативным (*краснеет*)). Так, в примере наблюдается градация от сознательных действий к бессознательной физиологической реакции — непроизвольное покраснение становится маркером истинного эмоционального состояния. В связи с этим создается контраст между демонстративной «театральностью» действия («трагическим шагом») и естественной реакцией организма, и достигается эффект эмоциональной кульминации за счет расположения физиологического маркера в финальной позиции.

Здесь парцеллированная конструкция создает механизм дробного восприятия информации и актуализирует основную эмоцию отрывка — **волнение**, что подтверждается 69% респондентов.

При восстановлении допарцеллятной структуры эмоциональное наполнение снижается / исчезает, что отмечает 58% респондентов.

Перейдем к другому структурному типу — **парцелляции дополнения**. Контекстная ситуация следующего отрывка — учитель географии

Ван Ваныч, человек, невероятно увлеченный своим предметом, переехал в город, но не смог там жить и вернулся в деревню:

«Через полгода Ван Ваныч сбежал из города обратно в свой деревенский домик. К своей метеостанции» (В. Свешников. Компас).

Семантический анализ конструкции выявляет несколько значимых аспектов: глагол «сбежал» несёт выраженную негативную коннотацию, подчёркивая не просто физическое перемещение, а эмоциональное бегство из враждебного городского пространства. Анафорическое местоимение «свой», повторяющееся в обеих частях высказывания, создаёт смысловое единство между «деревенским домиком» и «метеостанцией», актуализируя их как единое пространство, где сливаются личное и профессиональное. Прагматический эффект парцелляции проявляется в постепенном раскрытии мотивации персонажа. Базисная часть фиксирует сам факт возвращения, а парцеллятная — его истинную причину, создавая эффект смысловой градации. Так, парцелляция выносит ключевую информацию в отдельную рематическую позицию, создавая эффект эмоциональной кульминации и сужая фокус на «метеостанции» — части идентичности героя.

Постепенность раскрытия мотивации персонажа, синтаксически созданная парцеллированной конструкцией, усиливает эмоциональное воздействие и актуализирует эмоцию **облегчения** (79% респондентов). При восстановлении допарцеллятной структуры эмоциональное наполнение снижается / исчезает, что отмечает 56% респондентов.

Последний рассматриваемый структурный тип — это **парцелляция бессоюзного сложного предложения**:

«Эх, — с горечью думал Вовка, поглядывая на нудный дождик за классным окном, — давно не смазывал маслом цепь на велосипеде. Заржавеет». Его велосипед стоял и мокнул под березой на школьном дворе.» (В. Свешников. Компас).

Междометие «эх», открывающее высказывание, выполняет важную экспрессивную функцию, маркируя эмоциональное состояние персонажа как негативно окрашенное. Данное междометие, характерное для разговорного регистра, имплицитно передает комплекс чувств — от легкой досады до меланхолического переживания, что подтверждается контекстуальным окружением («с горечью думал», «нудный дождик»).

В приведенном контексте парцеллированный компонент реализует не объективную констатацию, а субъективное предположение, основанное на эмоциональном состоянии персонажа. Форма будущего времени выражает не реальную перспективу, а эмоционально обусловленное

ожидание негативного исхода — это не логическая цепочка, а эмоциональное предчувствие. Здесь парцелляция усиливает контраст между основными смысловыми доминантами рассказа — мечтой и реальностью. Велосипед мокнет под дождем, а Вовка заперт в классе. Парцелляция резко противопоставляет желаемое (движение) и действительное (рутину).

Как показывают результаты анкетирования (72% респондентов идентифицировали доминирующую эмоцию как «досаду»), подобная синтаксическая организация эффективно передает когнитивный диссонанс между реальной незначительностью ситуации и ее субъективным восприятием; создает эмоциональное усиление (гиперболизация нейтрального факта под влиянием негативного состояния); отражает специфику детского восприятия, для которого характерна генерализация отдельных переживаний. 75% респондентов отмечали снижение эмоционального наполнения в допарцеллятных вариантах.

Таким образом, парцелляция системно реализуется в трех основных структурных типах, каждый из которых имеет особую семантику и функцию. Результаты можно представить в виде таблицы.

Таблица

Типы парцелляции в рассказе В. Свешникова «Компас»: структурно-семантические особенности и функциональная нагрузка

	Парцелляция сказуемого	Парцелляция дополнения	Парцелляция сложного бессоюзного предложения
Семантика	Динамичные эмоциональные состояния	Устойчивые эмоциональные состояния	Интеллектуальные эмоции
Функция	«Дробление» действия на отдельные фазы эмоционального переживания	Создание эффекта «семантического каскада» через присоединение уточняющих элементов	Создание эффекта «эмоциональной перспективы», позволяющего выстраивать сложные смысловые и эмоциональные переходы
Нарративная роль	Создание психологического портрета персонажей	Создание системы значимых образов	Актуализация смысловых доминант произведения

Таким образом, установлено, что парцеллированные конструкции в актуализирующей прозе выполняют текстообразующую функцию, участвуют в создании полифонического эмоционального фона, служат средством реализации авторской интенции.

На основе комплексного лингвистического анализа парцеллированных конструкций в рассказе В. Свешникова «Компас» и результатов анке-

тирования носителей русского языка были выделены три основных типа парцеллированных конструкций с разными механизмами реализации.

1. Парцелляция сказуемого передаёт динамику эмоциональных состояний. Такой тип конструкции позволяет расчленить единое действие на дискретные фазы, создавая эффект постепенного нарастания эмоционального напряжения.
2. Парцелляция дополнения актуализирует устойчивые эмоции через механизм «семантического каскада» — поэтапного наращивания эмоциональной насыщенности за счёт последовательного присоединения уточняющих дополнений.
3. Парцелляция сложного предложения формирует эмоциональную перспективу, соединяя конкретные факты с их интерпретацией. Такие конструкции не просто передают эмоцию, но и выстраивают сложную систему смысловых переходов — от конкретного к абстрактному, от факта к его эмоциональному осмыслению, вовлекая читателя в этот процесс.

Парцеллированные конструкции безусловно важны в структуре текста, поскольку они участвуют в формировании ключевых оппозиций, маркируют смену перспективы и создают ритмический рисунок, усиливающий эмоциональное воздействие.

Экспериментальные данные анкетирования показали, что 78% респондентов отмечают усиление эмоционального воздействия при парцелляции; 65% опрошенных демонстрируют более точную идентификацию эмоций в парцеллированных вариантах, наиболее эффективными в передаче подтекста признаны конструкции с пунктуационными маркерами (многоточие, восклицательный знак).

Исследование подтвердило, что парцелляция является мощным средством выражения эмоционального подтекста в современной русской прозе. Ее структурно-семантические особенности позволяют автору управлять вниманием читателя, акцентировать ключевые смыслы и создавать многомерное эмоциональное пространство. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания русского языка как иностранного, а также в курсах по лингвистическому анализу текста.

Перспективы исследования видятся в разработке образца комментария парцеллированной конструкции, содержащей эмоциональный подтекстовый смысл, ориентированный на иностранных обучающихся.

Примечания

¹ Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи. Л.: Худож. лит.; Ленингр. отделение, 1974. С. 36.

² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 27–42. EDN: VXXANF.

³ Пушкарева Н. В. Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (Лингвистический аспект). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 76.

⁴ Там же. С. 65.

Maria Yu. Zakharova, Alan S. Tskhovrebov, Saint Petersburg State University, Russia

**PARCELLATION AS A MEANS OF EXPRESSING EMOTIONAL SUBTEXT
IN MODERN RUSSIAN PROSE**

The article examines parcellated constructions as a tool for conveying subtextual meanings in modern literary texts. It explores their role in expressing the emotional state of characters and the narrator, as well as their impact on reader engagement in the process of text interpretation. Special attention is paid to the semantic and structural features of parcellation and their significance for decoding implicit meanings. The relevance of the study is determined by the high frequency of parcellated constructions in contemporary prose and their importance for understanding the multilayered semantics of the text.

Keywords: parcellation; subtext; expressive syntax; literary text; interpretation.

Золотарёва Дарья Александровна,
Ганапольская Елена Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
zolotayadasha2004@gmail.com; eganapolskaya@mail.ru

ВОЛОНТЕРСТВО: КАКИМ МЫ ЕГО ВИДИМ (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В статье представлены результаты исследования стереотипного представления о волонтерстве в языковом сознании носителей современного русского языка. Материалом для изучения послужили данные цепочечного ассоциативного эксперимента, проведенного Д. А. Золотарёвой в 2024/2025 учебном году.

Ключевые слова: языковое сознание; картина мира; ассоциативный эксперимент; волонтерство.

Стремление человека помогать другим — явление не новое. На протяжении многих лет истории люди, имевшие возможность поделиться чем-то, помочь другому, с готовностью шли на это, не всегда прося что-то взамен. Одна из наиболее популярных форм такой бескорыстной помощи в современном мире — волонтерство. Есть волонтерское движение и в России, хотя к нам оно пришло лишь в 90-е гг. прошлого столетия¹, так что в нашей стране это относительно недавнее социальное явление. Именно поэтому чрезвычайно интересными для изучения представляются те общие представления, стереотипы о волонтерстве, которые присутствуют в русском языковом сознании.

Стереотип (стереотипное представление) является одной из составляющих картины мира. Под стереотипом понимают «некоторое „представление“ фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную „картинку“, являющуюся результатом отражения в сознании личности „типового“ фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира»². Стереотипы сознания находят свое отражение в языке, становятся частью языкового сознания (ЯС).

Московская школа психолингвистики определяет ЯС как «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей»³.

Наиболее распространенным научным методом изучения языкового сознания является ассоциативный эксперимент (АЭ): «именно он позволяет исследователю максимально „приблизиться“ к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека»⁴. Системно-языковая интерпретация результатов АЭ позволяет сделать «выводы об устройстве и функционировании языковой системы <...> в языковом сознании его носителей», дать «некоторую модель описания языковой системы, которая строится на материале ассоциативных полей, ассоциативных словарей»⁵. Ассоциативный эксперимент — это «приём, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте»⁶. Выделяют три типа АЭ: свободный, направленный и цепочечный (или эксперимент с продолжающейся реакцией). Для нашего исследования мы использовали третий тип, так как он позволяет собрать наибольшее количество разных ассоциатов.

Важным для проведения АЭ является выбор слова-стимула. Слово *волонтерство* было выбрано нами в качестве слова-стимула по нескольким причинам. Во-первых, однословный стимул (а не словосочетание *волонтерская деятельность*) предпочтительнее, так как в словосочетании каждое слово в отдельности может вызвать свои ассоциации, что нежелательно. Во-вторых, значение слова *волонтерство* шире, чем у упомянутого словосочетания, так как, вероятно, мотивировано относительным отсубстантивным прилагательным *волонтерский*. Это слово относится к существительным со значением отвлеченного признака, обозначая «наличие того, что названо в мотивирующей основе прилагательного». Среди наиболее типичных существительных этого словообразовательного типа выделяются группы слов, обозначающих «идеологическое течение» и «занятие»⁷. В-третьих, именно это слово использовано в законе «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», первая редакция которого была принята в 1995 году. И, наконец, само слово *волонтерство* в русском языке переживает второе рождение. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) в настоящий момент представлено три контекста его использования, датирующихся 1874, 1894 и 1916 гг. Между ними и следующим контекстом употребления слова *волонтерство* (2003 год) более чем вековой интервал. Всего в НКРЯ сейчас представлено 25 текстов, содержащих 43 примера употребления слова *волонтерство*, что немного, если учитывать растущую популярность этого вида деятельности. Нет этого слова-стимула, равно как и слова *добровольчество*, и в основных ассоциативных словарях русского языка (РАС⁸, ЕВРАС⁹, УПРАС¹⁰, СИБАС¹¹). Это свидетельствует о том, что до недавнего времени этот социальный

феномен находился на периферии языкового сознания носителей русского языка.

Определив основные теоретические положения, перейдем к результатам реконструкции языкового стереотипа «волонтерство» в современном русском языке.

В проведённом нами АЭ участвовало 60 респондентов. Важным условием проведения эксперимента стал сбор данных от представителей двух разных социальных групп — людей, непосредственно участвующих (участвовавших) в волонёрской деятельности, и людей, никогда не имевших подобного опыта. Возрастные, гендерные и другие критерии не учитывались, так как это не играло ключевой роли при формулировании выводов. Среди респондентов было 36 участников из числа волонтеров и 24 из числа людей, знакомых с данным социальным феноменом лишь со стороны.

В ходе АЭ было собрано 848 реакций, некоторые из которых впоследствии были объединены. До одной реакции были сведены следующие группы ассоциатов:

- 1) формы единственного и множественного числа (напр., *доброволец* / *добровольцы*);
- 2) лексемы, обозначающие одно понятие, но выраженные разными частями речи (напр., *бесплатно* / *бесплатный*);
- 3) реакции-синонимы (напр., *старики* / *бабушки* и *дедушки*);
- 4) родовидовые понятия (напр., *животные* / *собака*);
- 5) однословные ассоциаты и ассоциаты, имеющие при себе распространитель, если этот распространитель существенно не меняет объект (напр., *дети* / *целеустремлённые дети*).

Так как волонтерство — это вид деятельности, мы распределили полученные ассоциаты по тематическим группам (ТГ), называющим основные «составляющие» этого вида деятельности (деятельность — субъект — объект — результат). Внутри каждой ТГ были выделены следующие подгруппы.

1. Волонтерская ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (387)¹².

- 1.1. Варианты номинации волонтерской деятельности (73): *помощь* 37; *работа* 14; *добровольчество* 4; *польза* 4; *бесплатная работа* 2; *добровольная деятельность* 1; *работа за еду* 1; *дело* 1; *социально одобряемая деятельность* 1; *действия* 1; *хобби* 1; *совместная деятельность* 1; *работа по специальности* 1; *подработка* 1; *социальная работа* 1; *китайский иероглиф «волонтерство»* 1; *ненужная трата времени* 1, *движение* 1. В рамках этой группы можно выделить такие категории, как повторение слова-стимула или замена на синонимы

(волонтерство, китайский иероглиф «волонтерство», добровольчество), а также наименование через характеристики основной деятельности (помощь, труд, бесплатная работа).

- 1.2. Помощь, оказываемая в рамках волонтерской деятельности (121):
 - 1.2.1) нематериальная (106): *помощь 37, поддержка 12, забота 11, обучение 4¹³, субботники 4, время 4, тепло 3, забота о животных 3, первая помощь 3, организация мероприятий 2, спасение 2, надежда 2, внимание 2, поиск людей 2, уборка 2, вера 1, уход 1, лечение 1, жизнеобеспечение 1, бесплатное обучение языкам 1, помощь старикам 1, социальная работа 1, информация 1; протянуть руку помощи 1, делиться 1, отозваться 1, дарить тепло 1, разнести вещи 1;*
 - 1.2.2) материальная (15): *бесплатная еда 5, деньги 4, пожертвования 2, гуманитарная помощь 2, лечение 1, подарки 1.*
- 1.3. Характеристики волонтерской деятельности (68):
 - 1.3.1) принципы и свойства (59): *бесплатно 21, добровольность 6, гуманность 4, творчество 4, от чистого сердца 3, взаимодействие 3, выручка 3, дружба 2, беспристрастность 1, нейтральность 1, универсальность 1, единство 1, взаимопонимание 1, содружество 1, связь 1, сплочение 1, объединение 1, единство 1, доверие 1; «кто чем может» 1, во благо общества 1;*
 - 1.3.2) эмоциональные оценки (9): *хорошее дело 2, красота 1, восхищение 1, крутота 1, созидание 1, любимое дело 1; не сложно это сделать 1, бегать как белка в колесе 1.* Все ассоциаты подгруппы 1.3.2 выражают положительную оценку.
- 1.4. Ценности, с которыми ассоциируется этот вид деятельности (60): *добро 21; любовь 11; милосердие 6; счастье 4; уважение 3; мир 3; жизнь 2; спасение 2; общество 2; христианство 1; вера 1; вечные ценности 1; мораль 1; дружба 1; искупление 1.*
- 1.5. Сферы волонтерской деятельности (40): *благотворительность 12; спорт 6; обучение 5; первая помощь 3; экология 3; поиск людей 2; организация мероприятий 2; донорство 2; гуманитарная помощь 2; культура 1; социальная работа 1; помощь старикам 1, наставничество 1, учёба 1.*
- 1.6. Мероприятия, проводимые в рамках волонтерской деятельности, и их атрибуты (31): *мероприятия 8; субботники 4; фестиваль 3; форумы 3; поездка 2; праздник 2; лекции 1; школа добровольца 1; волонтерские курсы 1; митинги 1; конференция 1; бессмертный полк 1; участие 1; акция 1; Олимпиада 1, театр 1, музей 1, музыка 1, актёры 1, детский лагерь 1, кулинария 1, прогулки на Марсовом поле 1.*
- 1.7. Наименования реалий (объектов), используемых для проведения мероприятий в рамках волонтерской деятельности, и их характеристики (14): *мерч (униформа) 4; жилетка 2; тапочки 2; бейдж 1; одинаковые футболки 1; советские плакаты 1; бахилы 1; чай 1; красный цвет 1.*

- 1.8. Средства популяризации волонтерской деятельности (11): *фотоотчёт 4, Добро.ру 2, посты 2, огласка 1; презентации 1.*

2. СУБЪЕКТ волонтерской деятельности (185).

- 2.1. Физическое лицо (человек), осуществляющее эту деятельность (37): *люди 7; сёстры милосердия 4; доброволец 5; молодёжь 3; студенты 2; активисты 2; тимуровцы 2; спасатели 2; волонтеры, работающие на СВО 1; учитель 1; донор 1; меценат 1; медики 1; известные люди 1; актёры 1; социальный доброволец 1; меценат 1, Тася 1.*
- 2.2. Объединения (группы) людей (20): *команда 9; друзья 3; социум 2; общество 2; семья 1; коллектив 1; содружество 1; объединение 1.*
- 2.3. Организации (32), осуществляющие эту деятельность: *Красный Крест 16; организация 4; отряд 2; Добро.ру 2; ООН 1; некоммерческая организация 1; Мы вместе! 1; благотворительные фонды и организации 1; Фонд добра 1; фонд помощи 1; церковь 1; добровольный поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт», в котором участвует мой зять — на безвозмездной основе ищет в нерабочее время заблудившихся в лесу грибников 1.*
- 2.4. Характеристики лиц-субъектов волонтерской деятельности (108):
- 2.4.1) качества людей (99): *доброта 18, ответственность 8, искренность 7, эмпатия 6, благородство 5, энергичность 3, отзывчивость 3, равнодушие 2, душа 2, сердце 2, жертвенность 2, человечность 2, осознанность 2, позитив 2, сила 2, помощник 2, терпение 1, толерантность 1, отвага 1, пунктуальность 1, лидерство 1, сплочённость 1, собранность 1, постоянство 1, сопереживание 1, включённость 1, вовлечённость 1, готовность 1, любознательность 1, щедрость 1, самоотдача 1, открытость 1, активность 1, скорость 1, энтузиазм 1, инициатива 1, самоотречение 1, дорогой друг 1; готов к любой ситуации 1, волонтер по зову сердца 1, волонтеры всегда помогут 1;*
- 2.4.2) эмоциональная оценка субъекта (9): *светлая душа 1, чистота 1, чистое сердце 1, горячие сердца 1, красота души 1, герой 1, supergirl 1, молодцы 1, красивые люди 1.*
- 2.5. Внутренние мотивы, побуждающие людей к волонтерской деятельности (20): *желание 3; цель 3; выбор 2; призвание 2; миссия 2; стремление 1; вера 1; увлечение 1; стимул 1; решение 1; смысл жизни 1; осознание быть полезным людям и стране 1, желание сделать мир лучше 1.* Состав ассоциатов этой группы показывает, что побуждающим фактором к занятию волонтерской деятельностью служат моральные установки. Такие ассоциаты чаще встречались у респондентов из числа добровольцев.

3. ОБЪЕКТ волонтерской деятельности.

- 3.1. Живые существа (люди и животные), которым необходима волонтерская помощь (30): *дети 11; животные 5; беженцы 3; старики 3;*

нуждающиеся 2; инвалиды 1; ветераны 1; сироты 1; мигранты 1; бездомные 1; бездомные животные 1.

3.2. Места, где необходима волонтерская помощь (14): больница 3; приют 3; дома престарелых 2; детские дома 2; приюты бездомных животных 2; горячая точка 1; окружающий мир 1.

3.3. Состояние объекта или ситуация, в которой он находится, при которых необходима волонтерская помощь (21): бедность 4; страх 2; трудная ситуация 2; старость 1; болезни 1; холод 1; отсутствие семьи 1; отчаяние 1; переживания 1; горе 1; пустота 1; война 1; эмиграция 1; чрезвычайность 1; проблема 1; мусор 1.

4. РЕЗУЛЬТАТ деятельности (98).

4.1. Вознаграждение, которое субъект (волонтер) получает за свою деятельность (97):

4.1.1) нематериальное (59): благодарность 7, опыт 6, радость 6, возможность 5, знакомства 4, обучение 3, общение 3, похвала 2, плюсики в карму 2, развитие 2, улыбка 2, чистота 2, репутация 1, освобождение от учёбы 1, эмоции 1, положительные эмоции 1, впечатления 1, самореализация 1, развитие навыков 1, интересные мероприятия 1, отдых души 1, личностный рост 1, открытия 1, обратная связь 1, горящие глаза 1, слёзы счастья 1;

4.1.2) материальное (29): благодарность (благодарственное письмо) 8; стипендия 4; бесплатная еда 3; мерч 3; поездка 3; волонтерские часы 2; дополнительные баллы 2; справки 1, гранты 1.

4.2. Негативные последствия волонтерской деятельности для субъекта (10): время 6; усталость 2; стресс 1; нервы 1.

Некоторые ассоциаты не вошли ни в одну из групп (25):

рукопожатие 1, МЧС 1, мониторинг 1, аккредитация 1, разные языки 1, воскресенье 2, «Так!» 1, BMW 1, мультфильм «Гринч» на НГ 1, «Когда домой?» 1, «А у меня в телефоне д/з» 1, «А мне ничего не задано» 1, родители 1, новости 1, комус 1, английский язык 1, история 1, алмазная мозаика 1, течение 1, выпад 1, 19 век 1, недостаток 1, рисунок 1, write, read, listen 1.

Как видим, в центре ассоциативно-вербального поля «волонтерство» закономерно находится ТГ «деятельность» (387 ассоциатов из 848). Волонтерская деятельность связана в сознании россиян прежде всего с понятием об оказываемой волонтерами нематериальной помощи (106 ассоциатов), то есть преимущественно с психологическим фактором поддержки. Характерно также, что среди квазисинонимов к слову-стимулу *волонтерство* слово *помощь* стоит на первом месте по количеству ассоциатов (37 из 73).

Помощь волонтеры оказывают *бесплатно* (21 из 68). Сферами волонтерской деятельности, по мнению респондентов, является в основ-

ном благотворительность (12), а также спорт, обучение в целом, первая помощь, экология, поиск людей, организация мероприятий и др. Если говорить более конкретно, то с понятием *волонтерство* ассоциируются следующие виды помощи: обучение, участие в субботниках, забота о животных, оказание первой помощи, помощь в организации различных мероприятий, поиск и спасение людей, уборка, лечение, бесплатное обучение языкам, уход за стариками и нек. др. При этом перечень мероприятий, осуществляемых в рамках волонтерской деятельности, невелик и в основном включает субботники, поездки и совместные прогулки, походы в театры и музеи. Таким образом, волонтерство воспринимается в России в большей степени как некая общая социально-направленная деятельность и в меньшей степени ассоциируется с конкретными направлениями деятельности (например, экологией, помощью в организации мероприятий).

Отдельного внимания заслуживает достаточно многочисленная по числу входящих в нее единиц подгруппа 1.4, включающая перечень ценностей, с которыми ассоциируется волонтерская деятельность. Она включает как общечеловеческие ценности, среди которых на первом месте *добро, любовь и милосердие*, так и религиозные христианские ценности (*вера, спасение, искупление, христианство*). Наличие подобного рода ассоциаций раскрывает сущностно значимые, глубинные идеи слова-наименования ассоциативно-вербального поля, которые сохраняются в сознании носителей языка.

Осуществляя любую деятельность, ее субъект внутренне ожидает вознаграждения в той или иной форме. Волонтеры в данном случае не являются исключением. Реакции подгруппы 4.1 даны почти исключительно респондентами, у которых был волонтерский опыт, и свидетельствуют о том, что, несмотря на безвозмездный по своей сути характер деятельности, волонтерство дает определенные вознаграждения как материального, так и нематериального характера. Слова, характеризующие результаты волонтерской деятельности, имеют в основном положительную окраску и обозначают в основном разные виды нематериального вознаграждения (59) (*благодарность, опыт, радость* и др.) и в меньшей степени материального вознаграждения (29). Однако результатом волонтерской деятельности могут, считают некоторые респонденты (10), стать и негативные последствия для субъекта (волонтера): большие затраты времени, физическая и психологическая нагрузка (усталость и стресс). Примечательно также, что результаты волонтерской деятельности оценивались респондентами исключительно по отношению к ее субъекту (волонтеру).

Отдельную группу составили прецедентные феномены, паремии и фразеологизмы, которые сами по себе являются языковыми стереотипами. К прецедентным феноменам мы отнесли названия песен (*Твори добро* 3), имена / псевдонимы реальных личностей (*Доктор Лиза* 3, *мать Тереза* 1), имена персонажей произведений (*Кот Леопольд* 3, *Робин Гуд* 2), названия произведений (*Тимур и его команда* 3), цитаты из песен (*и хлеба горбушку и ту пополам* 2, *если не я, то кто?* 2), библеизм *Иисус Христос* 1. К этой подгруппе примыкают единичные реакции, напоминающие лозунги, которые респонденты могли увидеть в Интернете или на улицах города (*добро объединяет* 1, *время любить, добрым быть модно* 1, *не проходите мимо* 1).

Среди ответов респондентов встретились пословицы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* 3; *Что посеешь, то и пожнёшь* 2; *Один за всех и все за одного* 1 и фразеологизм *бегать как белка в колесе* 1.

Помимо семантического анализа, мы рассмотрели полученные в результате АЭ ассоциаты с точки зрения их источника: от кого получена информация — от волонтеров или людей, не имевших такого опыта. Сравнение показало, что сходных реакций у обеих групп респондентов выявляется больше, чем различных, что свидетельствует о наличии общего представления об анализируемом феномене. Так, общими оказались соотнесение волонтерства и человеческих ценностей (п. 1.4), положительная оценка респондентами как самих волонтеров (физических лиц) (п. 2.4), так и их деятельности (п. 1.3), идея совместности (*команда, друзья, сплочение, объединение, один за всех и все за одного*) и выражение религиозных ценностей (*вера, Бог Иисус Христос, спасение, искупление, христианство, жертвенность*).

Среди различий можно отметить, что ассоциации у респондентов из числа волонтеров связаны скорее с субъектом волонтерской деятельности (разнообразнее представлены подгруппы 1.6, 1.3, 2.1–2.5, 4.1), в то время как у респондентов, не имеющих опыта волонтерской деятельности, они связаны с объектом волонтерской помощи (ярче представлены подгруппы 3.1, 3.2, 3.3, 1.5). В целом ответы первой группы отличаются большим разнообразием, что было предсказуемо.

Обобщая сказанное, можно сформулировать стереотипное представление о волонтерстве в сознании современных носителей русского языка. Волонтерство — это прежде всего *помощь людям*, которые в этом нуждаются, в первую очередь, *детям*, это *поддержка* и *забота*. Понятие олицетворяет собой безусловное *добро, любовь*, ассоциативно связывается с христианскими идеями служения. Волонтерство — это *труд*, который отнимает *время* и может стать причиной *усталости* и *стресса*,

совершается он *бесплатно и бескорыстно*, но часто вознаграждается. Волонтерство в сознании россиян связано с рядом определенных *мероприятий* и представляется занятием, которое объединяет *людей*. Волонтерская деятельность осуществляется отдельными людьми, для которых характерна *доброта, ответственность, искренность*, и *организациями*, крупнейшая из которых — *Красный Крест*. Одна из основных сфер волонтерской помощи — *благотворительность*. В целом понятие *волонтерство* имеет яркую положительную оценку, о чём свидетельствует оценочная лексика в ответах.

Примечания

- ¹ О том, почему этого не произошло раньше, см., например, в статье: Руденко Б. Волонтеры // Наука и жизнь. 2009. № 5. С. 74–760.
- ² Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- ³ Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психоллингвистики. 2004. № 2. С. 3447. EDN: LAUJQD.
- ⁴ Бескорвайная И. Г. Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания // Вопросы психоллингвистики. 2004. № 2. С. 73–77. EDN: LAUJRR.
- ⁵ Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психоллингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–125. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125. EDN: EXQMGT.
- ⁶ Горошко Е. И. Психоллингвистика Интернет-коммуникаций // Вопросы психоллингвистики. 2008. № 7. С. 5–11. EDN: LGKLSL.
- ⁷ Русская грамматика: В 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. М.: Наука, 1980.
- ⁸ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. Т.1, 2. М.: АСТ-Астрель, 2002. (РАС)
- ⁹ Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>. (ЕВРАС)
- ¹⁰ Черкасова Г. А., Харченко Е. В. Русский региональный ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/urrras>. (УРРАС)
- ¹¹ Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь. Т. 1. М.: МИЛ, 2014. EDN: VCEGQZ. (СИБАС)
- ¹² В скобках приводится количество ассоциатов.
- ¹³ Некоторые ассоциаты были включены нами одновременно в несколько подгрупп.

Daria A. Zolotareva, Elena V. Ganapolskaya, Saint Petersburg State University, Russia

VOLUNTEERING: HOW WE SEE IT (BASED ON AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

This article presents the results of a study on the stereotypical perception of volunteering in the linguistic consciousness of native speakers of modern Russian. The research data were drawn from a chain associative experiment conducted by D. A. Zolotareva during the 2024/2025 academic year.

Keywords: linguistic consciousness; worldview; associative experiment; volunteering.

Калязина Ирина Алексеевна,
Хруненкова Анна Валентиновна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
irina-kalyazina.2005@mail.ru; a.v.khrunenкова@spbu.ru

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАТЕГОРИИ «БУДУЩЕЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются русские паремии о будущем как отражение национального мировосприятия. Авторами анализируется 60 паремий, отобранных из словаря В. И. Даля «Пословицы русского народа», которые делятся на тематические группы по выражаемым установкам культуры. Особое внимание уделяется группам «неопределенность будущего» и «предопределенность хода событий», поскольку в состав рассматриваемых групп входят наиболее употребляемые паремии; обращается внимание на структурно-семантические трансформации паремий в современном языке. Приводятся примеры употребления исследуемых пословиц и поговорок в художественной литературе и разговорной речи, рассматриваются их возможные этимологические корни и культурные коннотации.

Ключевые слова: русский язык; русская лингвокультура; паремия; категория «будущее».

Взаимосвязь языка и культуры можно назвать ключевым аспектом лингвистических исследований, поскольку язык представляет собой не только средство коммуникации, но и является важным носителем культурных значений и исторического опыта народа. Одним из проявлений этой взаимосвязи являются паремии (пословицы и поговорки) — устойчивые выражения, которые отражают народную мудрость и менталитет общества и передаются из поколения в поколение. Паремии, как культурные артефакты, содержат в себе ценностные ориентиры, представления о мире и модели, характерные для определенной языковой общности. Исследование паремий предоставляет уникальную возможность проанализировать, как языковые средства фиксируют культурные нормы, традиции и формы социального взаимодействия.

Целью настоящего исследования является выявление стереотипных представлений русских о будущем, отраженных в паремиях. Изучение паремий, отражающих тему будущего актуально, поскольку это одна из вечных и универсальных тем для носителей всех языков. Однако пословицы и поговорки отличаются национальным своеобразием в каждом языке, в связи с чем несовпадающие установки культуры могут привести к сбою

в межкультурной коммуникации. Кроме того, паремии о будущем частотны как в разговорной речи носителей русского языка, так и в русской художественной литературе. Вместе с тем, они представляют трудности для восприятия и употребления иностранными учащимися.

Проанализировав различные определения терминов «паремия», «пословица», «поговорка»¹ и обобщив представления о них, в данном исследовании под паремиями мы понимаем выражения народного происхождения, анонимные изречения дидактического характера, представленные пословицами и поговорками. По нашему мнению, термин «паремия» соотносится с терминами «пословица» и «поговорка» в иерархии от общего к частному. Термин «пословица» понимается как устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, выражающие поучительное жизненное наблюдение, которые отличаются обобщающим смыслом, целостностью структуры и значения, независимостью от контекста, структурой предложения, наличием прямого и переносного значения. А «поговорка» рассматривается нами как меткое, чаще не образное выражение, не заключающее в себе обобщающего смысла, являющееся частью целого и имеющее структуру предложения или словосочетания.

Паремиологическая картина мира представляет собой значимый фрагмент языковой картины мира. Следуя концепции Е. С. Яковлевой², под языковой картиной мира понимается «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности <...> таким образом, языковая картина мира — это своего рода мировидение через призму языка». Наш выбор данной дефиниции обусловлен тем, что в каждой пословице запечатлена когнитивная модель, отображающая схему восприятия конкретного фрагмента действительности данного этноса. Проанализировав работы О. И. Натхо, Т. А. Ширяевой и А. Ю. Багиняна³ мы пришли к выводу о том, что паремиологическая картина мира как важный фрагмент языковой картины мира содержит в себе совокупность стереотипных представлений народа о мире, отражает национальные особенности мировосприятия каждого народа; это мировоззрение не только целой нации, но и каждого отдельного человека.

С помощью приема сплошной выборки материала из словаря В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1862) нами было отобрано 60 русских паремий. Частотность употребления паремий устанавливалась на основе данных «Национального корпуса русского языка».

Классификация анализируемого материала с точки зрения выражаемых установок культуры позволила выделить следующие группы пословиц и поговорок:

- 1) о событиях, которые никогда не произойдут (7 единиц);
- 2) о том, что не надо загадывать вперед, поскольку все может измениться (4 единицы);
- 3) о невозможности принять меры в связи с грядущими событиями (4 единицы);
- 4) о неопределенности будущего (9 единиц);
- 5) о предопределенности хода событий (10 единиц);
- 6) о том, что при наличии чего-то основного всё остальное обязательно будет следовать за ним (14 единиц);
- 7) о том, что вне зависимости от обстоятельств любые трудности будут преодолены (2 единицы);
- 8) об ощущении неудовлетворенности, вызванном обязательствами, данными другими лицами (2 единицы);
- 9) паремии, не вошедшие в основные группы (7 единиц).

Наибольшую репрезентативность продемонстрировали четвертая, пятая и шестая группы.

Так, наиболее частотными в группе «неопределенность будущего» являются варианты паремии *«Палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя»*: *палка о двух концах* (92 употребления) / *палка <...> о двух концах* (14 употреблений), имеющей следующее значение ‘каждое действие или решение может иметь как положительные, так и отрицательные последствия’.

Существует несколько теорий о происхождении данной пословицы.

1. Паремия является исконно русской. Тот, кого бьют палкой, может поймать ее, выхватить и начать бить противника другим концом. Предлог о употребляется в значении *с*.
2. По второй теории выражение произошло от пословично-поговорочного выражения: *Счастье — палка о двух концах*⁴.

Приведем примеры:

«В школе было проще. Это я понял только тогда, когда получил на руки диплом. Вот тогда пришло осознание того, с каким трудом он мне дался. Да, в универе интереснее, это больше творческой работы, совмещение учебы с работой. Но это палка о двух концах. Ведь в универе приходит больше ответственности за собственные поступки» (Форум: Школа или универ где легче? 2006);

«Вот например мы привыкли встречаться с хорошими людьми, а ведь в жизни не все хорошо, палка ведь всегда о двух концах и позолота часто стирается» (Софья Хамидуллина (ур. Юсупова). Дневник. 1968).

Проанализировав примеры, можно заключить, что данная поговорка иллюстрирует культурное представление о том, что в жизни нет однозначных ситуаций, и везде есть свои положительные и отрицательные стороны.

Второй по употребляемости паремией в данной группе является «*Это вилами писано (на двое), да еще и на воде*»: *это вилами на воде писано (2 употребления) / это вилами по воде писано (1 употребление) / вилами по воде писано (7 употреблений) / вилами на воде писано (10 употреблений)*, которая имеет следующее значение: 'событие маловероятно, и его исход остается неопределенным; с высокой степенью вероятности оно не состоится'.

Приведем примеры:

«Вряд ли кто-то из них по старой памяти так ненавидит бедную мать-одиночку, что решится стрелять в нее на школьном дворе, а вот любимая подруга вполне могла бы ... Впрочем, все это вилами по воде писано. Там мог оказаться кто угодно, и никто не заметил бы чужака, там все чужие, да и темно вокруг» (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003);

«А что? Ничего. Вряд ли продюсер на такое согласится. Да и с кино все еще вилами по воде писано. А ты? Ты ведь тоже против?» (Сергей Шикера. Выбор натуры. 2014).

В Словаре русской фразеологии В. М. Мокиенко представлено несколько вариантов происхождения паремии.

1. Пословица является калькой с греческого или латинского оборота *писать на воде* с переносным значением 'выполнять бесполезную работу, ничего не делать'. Этот оборот встречается у Софокла, Платона, Лукиана, Катулла.
2. Паремия представляет результат переосмысления свободного словосочетания в русском языке *писать вилами по воде*. Переносное значение 'нет уверенности в том, о чем говорят' развивалось из первоначального образа — 'не оставлять следов на воде, если писать по ней вилами'.
3. Возможно, происхождение связано с суеверным, языческим оберегом заговором от водяного, описанным А. А. Афанасьевым: крестьяне предохранялись от «баловства» водяного, чертя во время заговора крест ножом и косой, которые являются символами Перуна. Писание вилами по воде соотносится с этим суеверием и порожденным им обычаем.
4. История выражения связывается и с одним из древнейших видов гадания — гидромантией (гадание по воде). В Персии, например, по расходящимся от брошенного в воду камня кругам определяли будущее. Слово *вилы*: первоначально значило 'круги' (ср. вилок, диал. вил «завиток»), затем это значение стало неактуальным и теперь ошибочно связывается с современным «сельскохозяйственное орудие»⁵.

Анализ данной паремии позволяет заключить, что элемент «вода» символизирует культурную установку, выражающую неуверенность и неопределенность будущего, которое невозможно предсказать.

В группе «предопределенность хода событий» наиболее частотным является вариант поговорки *«Что было, то прошло; что будет, придет»*: *что было, то прошло* (85 употреблений), которая имеет следующее значение: 'необходимо принять прошлое как необратимый факт, а будущее как неизбежный'.

Появление паремии уходит корнями в народную культуру. Она отражает циклическое восприятие времени, фатализм и культурную установку, призывающую к терпению и смирению. Также данная пословица воплощает в себе ценность многих вероисповеданий, в первую очередь христианства. Она показывает, что на все воля Бога и учит смирению перед высшим промыслом.

Приведем иллюстрации употребления:

*«Искал её запах волос, её ироничность... Мне хотелось быть лучше, когда был с нею. Даже книжки стал читать... стихи всякие... **Что было, то прошло**, и нечего жалеть! Я еду дальше, и теперь у меня будет что-то ещё и ещё, а потом и этого не будет... Будет другое. Новое»* (Аркадий Мацанов. Бабник. 2012);

*«А ведь еще в не столь далекие времена весь штат «конюшен» Ф-1 (включая заводчан) был не больше. Но **что было — то прошло**. Организационные структуры «жеребцов из Маранелло» и «серебряных стрел из Уокинга» не могут совпадать по определению»* (Михаил Козлов. Схема против схемы. 2002).

Результаты проведенного анализа позволяют нам с уверенностью говорить о том, что в современном языке сохранилась только первая часть паремии, которая относится к категории прошлого, а семантика будущего утратилась.

Рассмотрев все выделенные группы и наиболее употребляемые в них паремии, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, в русском народном сознании паремии, связанные с темой будущего, чаще всего представляют его загадочным и неопределенным. Однако в то же время они выражают фатализм русского народа, веру в предопределенность и неизбежность хода событий.

Во-вторых, большая часть отобранных паремий претерпевает структурно-семантические трансформации и изменения смысла, что может быть связано с частотностью употребления в речи.

Так, например, изменение формы произошло в паремии *до свадьбы заживет*. Предположительно фраза была первоначально обращена к девушкам, что связано с трудоемким процессом смотрин невесты на Руси.

Смотрины — это один из древнейших обрядов, корнями уходящий в языческие славянские представления о способности девушки к дето-

рождению. Они были решающим событием в жизни девушки: от удачного брака зависела её жизнь и благополучие будущих детей.

Осматривали будущую невесту сваха, свекровь и повитуха. Главная цель смотрин — определить, способна ли девушка выносить детей. Но препятствием к свадьбе могла быть даже небольшая царапина, поэтому невесту до смотрин освобождали от всех видов работ.

В настоящее время данная паремия функционирует в качестве устойчивого речевого оборота, используемого в утешительно-ободрительном контексте по отношению ко всем людям вне зависимости от их возраста, пола или семейного положения.

Таким образом, проведенный анализ показал, что наиболее частотными группами паремий являются выражения, передающие идеи неопределенности будущего (9 ед.), предопределенности событий (10 ед.) и идеи того, что при наличии чего-то основного все остальное будет следовать за ним (14 ед.). В них заложены ключевые культурные установки, включая фатализм, скептицизм к иллюзорным ожиданиям и веру в причинно-следственные связи. Наблюдаемая тенденция к структурно-семантическим трансформациям (например, усеченный вариант пословицы *Палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя* до *палка о двух концах*) свидетельствует о динамичной адаптации паремий к использованию, прежде всего в художественной литературе, публицистике и устной коммуникации.

Примечания

- ¹ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000; Алевиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009. EDN: SDQJVH; Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20. EDN: MTZDEL.
- ² Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 47–56.
- ³ Натхо О. И. Лингвокогнитивные особенности прилагательных сквозь призму паремиологической картины мира // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2008. № 4. С. 37–44. EDN: JVMWCN; Багиян А. Ю., Натхо О. И., Ширяева Т. А. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект. Казань, 2017. EDN: ZDJMCD.
- ⁴ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / под ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. С. 430.
- ⁵ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / под ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. С. 83.

Irina A. Kalyazina, Anna V. Khrunenкова, *Saint Petersburg State University, Russia*

**PAROEMIOLOGICAL UNITS OF THE CATEGORY 'FUTURE'
IN RUSSIAN LINGUOCULTURE**

The article examines Russian paroemias referring to the future as manifestations of the national mentality. The authors analyse a corpus of 60 units selected from V. I. Dal's "Proverbs of the Russian People", classifying them into thematic groups reflecting fundamental cultural attitudes. Particular attention is paid to the categories of 'uncertainty of the future' and 'pre-termination of events', as these comprise the most frequently used paroemias. The study also investigates structural and semantic transformations of these paroemiological units in modern language. Examples of their usage in literary texts and colloquial speech are provided, accompanied by an analysis of their possible etymological roots and cultural connotations.

Keywords: Russian language; Russian linguoculture; paroemia; category 'future'.

Крыжановская Анастасия,
Жукова Марина Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
st112078@student.spbu.ru; nefetari2004@yandex.ru

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗИМЕ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются стереотипные представления о зиме, зафиксированные в русской паремике. Предлагается алгоритм анализа пословиц, включающий структурный, семантический, образный и культурный уровни. На основе анализа выявлены ключевые особенности понятия «зима» в русской языковой картине мира и их связь с национальными ментальными установками.

Ключевые слова: паремии; пословицы; зима; стереотип; лингвокультурология; языковая картина мира.

Проблематика взаимодействия языка и культуры занимает центральное место в современной гуманитарной науке. Особое развитие она получила в рамках лингвокультурологии как научной дисциплины, рассматривающей язык как инструмент сохранения и трансляции культурных смыслов, отражающих особенности национального мировосприятия¹. В центре внимания этого направления оказываются устойчивые языковые единицы, обладающие высокой культурной маркированностью, в частности — паремии.

Паремии (от греч. *παροιμία* — ‘притча, пословица’) представляют собой краткие фольклорные высказывания, в которых вербализуются ментальные ориентиры, этнокультурные стереотипы и ценности, характерные для носителей определённого языка². В лингвокультурологическом аспекте особый интерес представляют стереотипы-представления — устойчивые когнитивные схемы, фиксирующие упрощённые, но значимые модели восприятия действительности³.

В русской языковой картине мира среди ключевых концептов мы отмечаем концепты времён года, и в первую очередь — концепт «зима». Зима представлена в народном сознании не только как часть природного цикла, но и как символ преодоления жизненных испытаний, и, одновременно,

ожидания обновления и возрождения. Эти значения актуализируются в русской паремике через метафоры, устойчивые конструкции и образные средства, что делает пословицы важным материалом для выявления стереотипных представлений, связанных с этим временем года.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ стереотипных представлений о зиме, зафиксированных в отобранном нами материале. Алгоритм анализа включает в себя структурный, семантический, образный и культурный уровни. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к интерпретации паремий с компонентом «зима» с опорой на лингвокультурологические и когнитивные параметры.

Материалом исследования послужили пословицы, содержащих лексему *зима*, отобранные из Большого словаря русских пословиц В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной⁴. Общее количество таких паремий — 56, их предварительная классификация и интерпретация позволили нам реконструировать устойчивые символические образы зимы в русской языковой картине мира, а также выявить их функциональную и ценностную нагрузку в коллективном сознании носителей языка.

В данной статье предлагается анализ шести паремий по обозначенным критериям. Итак, первая единица — «*Зима страшна морозами, а смерть — грехами*» — представляет собой лаконичную модель взаимосвязи между физическим и духовным мирами, основанную на синтаксическом параллелизме и антитезе. Структурно пословица организована как сложносочиненное предложение, где союз *а* не только противопоставляет две части, но подчеркивает их сходство в различии. Эта смысловая связь усиливается лексической и синтаксической симметрией частей.

Семантически пословица устанавливает аналогию между морозами как реальной физической угрозой в зимний период и грехами как угрозой духовной чистоте человека. Смерть же предстает перед нами не только как неизбежный конец биологической жизни, но также как подведение итога земного пути, что напрямую зависит от нравственного выбора человека, от бремени накопленных им грехов. Данная антитеза — «морозы — грехи», «зима — смерть» создает глубокую символическую параллель, укорененную в культурно-религиозных представлениях русского народа. Зима в русской культуре традиционно ассоциируется не только с холодом и жизненными трудностями, но и со смертью — увяданием природы, временем сна и ожидания возрождения. Именно этот символизм усиливает смысловую связь зимы со смертью в данной пословице. Морозы воспринимаются не только как природное явление, но и как испытания, посланные свыше для проверки стойкости человека. А накопленные грехи рассматриваются народом как тяжелая участь в жизни

после смерти. Пословица, отражая религиозно-нравственные установки русского мировосприятия, имплицитно призывает к духовной бдительности, подчеркивая важность нравственного выбора и ответственности человека за свои поступки, которые в конечном счете определяют его посмертную участь. Здесь важно отметить религиозную установку, объединяющую возникновение в мире понятий греховности и смертности человека (смерть страшна человеческими грехами ещё и потому, что она и пришла в мир вместе с первородным грехом).

Следующая пословица, рассматриваемая в данной статье, — «*Сколько ни куковать, а к зиме отлетать*». Она относится к группе паремий, в которых зима интерпретируется как сезонное явление и как метафора неизбежных перемен, требующих от человека предусмотрительности и зрелости. Данная пословица структурирована в виде сложноподчинённого предложения с придаточным уступки; союз *а* акцентирует контраст между желаемым продолжением беззаботного «кукования» и необходимостью потрудиться перед приходом зимы. Такая синтаксическая организация придаёт выражению дидактическую направленность.

Семантически пословица основывается на противопоставлении двух временных и символических состояний. Глагол *куковать* вызывает устойчивую ассоциацию с кукушкой — птицей, традиционно символизирующей лето и полную беззаботность (вспомним также, что кукушка не высиживает своих птенцов, а подбрасывает яйца в чужие гнёзда). В то время как *отлетать к зиме* — это долгий птичий перелёт, далёкий и небезопасный. Таким образом, на уровне смыслового содержания пословица утверждает, что состояние лёгкости, свободы и лета не может длиться бесконечно: наступает время, когда необходимо принять перемены и адаптироваться к новым, более суровым условиям.

Образность этой паремии строится на метафоре цикличности природы как модели жизненного пути. Лето — это условный образ свободы, молодости, удовольствия; зима — символ трудностей, ответственности, зрелости. Смена сезонов здесь — не просто природный факт, а архетипическая метафора неизбежности перемен. Человек, как и птица, должен инстинктивно чувствовать момент, когда пора отказываться от легкомыслия в пользу ответственности. Метафорика пословицы органично связана с фольклорной традицией, где образы птиц часто используются как символы душевных состояний человека и этапов его жизни.

Культурный контекст пословицы восходит к аграрной культуре, в которой наблюдение за миграцией птиц и сменой сезонов имело практическое значение. Отлет кукушки — предвестник конца лета и начала подготовки к зиме — воспринимался как напоминание о необходимости

беречь ресурсы, завершать полевые работы, утеплять жилище. В более широком ментальном плане пословица транслирует философию зрелости: наслаждение не бесконечно, в какой-то момент приходится принять необходимость деятельности и перемен. Особая семантическая линия данной пословицы метафорически отражает идею неизбежности подчинения объективным законам жизни. Подобные установки, выраженные через паремии, отражают свойственный русскому характеру фатализм, но не пассивный, а деятельный — мудрое принятие неизбежного, подготовка к нему и спокойная решимость действовать в соответствии с природным ходом вещей.

Ещё один пример анализа пословицы из нашего материала — «*Зима не дождёвая туча*». Структурно данная пословица представляет собой характерное для русского фольклора отрицательное сравнение, построенное на противопоставлении зимы и дождевой тучи. Используется отрицательная частица *не*, указывающая на существенное различие между сравниваемыми объектами.

Образ зимы противопоставляется образу дождевой тучи. Туча, хотя и приносит осадки и может быть причиной непогоды, воспринимается как явление относительно быстро проходящее. Зима же, напротив, представляется как нечто более длительное, устойчивое, занимающее значительную часть года. Важно также отметить, что диалектно-просторечная форма (*дождёвая*) считается отклонением от литературной акцентологической нормы (*дождевая*), причиной которого является ритмическая структура пословицы. Синтаксическая форма пословицы усиливает ощущение статичности и продолжительности зимы, которое контрастирует с более динамичным образом проходящей тучи.

Семантически пословица подчеркивает затяжной характер зимы, её продолжительность. Она утверждает, что зима не может быть столь же кратковременной и быстротечной, как появившаяся туча и пролившийся дождь. Культурный контекст связан с традиционным восприятием зимы в крестьянской культуре как долгого и трудного периода, требующего терпения, выносливости и тщательной подготовки к этому периоду.

Далее, используя тот же алгоритм анализа, рассмотрим группу, состоящую из трёх паремий, объединенных образом зимнего холода: «*Холодная зима — благодать*»; «*Зимой не стыдно, а холодно*»; «*Зимой холодно, а летом оводно*». Структурно все три пословицы построены на бинарных оппозициях, но используют разные способы их выражения. Первая — «*Холодная зима — благодать*» — представляет собой простое утвердительное сопоставление, в котором холодная зима приравнивается к благодати. Это предложение со значением тождества.

идентификации. Вторая поговорка — «*Зимой не стыдно, а холодно*» — построена на противопоставлении с помощью противительного союза *а*. Здесь противопоставляются физическое ощущение холода и социальная норма (стыдно быть раздетым). Зимой раздетому (не подготовившемуся к зимним холодам) не столько стыдно, сколько в самом деле холодно. Холод, как явление, устанавливает свою социальную норму. Третья поговорка — «*Зимой холодно, а летом оводно*» — также использует противопоставление через союз *а*, сравнивая характерные неприятные, но ожидаемые ощущения для зимы (холод) и лета (укусы оводов — кровососущих насекомых, досаждающих человеку и скоту).

Образ холода в этих поговорках амбивалентен. В первой — «*Холодная зима — благодать*» — холод несет положительную семантику, так как связан с будущим плодородием, уничтожением вредителей и болезней. В двух других — «*Зимой не стыдно, а холодно*» и «*Зимой холодно, а летом оводно*» — фиксируется негативный аспект физиологического холода, который, тем не менее, воспринимается как естественное и неизбежное явление.

Семантически первая поговорка утверждает безусловную пользу холодной зимы для будущего урожая, две другие дают оценку другим характеристикам холода.

Культурный контекст этих поговорок в первую очередь аграрный. Двойственное восприятие холода отражает крестьянское мировоззрение, где холодная зима, с одной стороны, является необходимым условием для хорошего урожая, а с другой — приносит бытовые неудобства. Это характерно для прагматичного крестьянского мышления, принимающего и пользу, и неизбежность природных явлений.

Проведённый анализ русских поговорок с компонентом «зима», отобранных из Большого словаря русских поговорок В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, позволил выявить устойчивую систему стереотипных представлений, закреплённую в языке и отражающую специфику национального мироощущения. Зима в русской поговорке предстаёт как многоплановое культурное явление, включающее физическое, социальное и философское измерения. Русские поговорки с компонентом «зима» формируют особое восприятие данного времени года, объединяющее представления о зиме как природном явлении (мороз, холод) с осознанием её значимого воздействия на человека, способствующего формированию таких национальных черт характера, как стойкость, терпение и предусмотрительность. Кроме того, зима рассматривается в качестве метафоры жизненных трудностей, символа неизбежных перемен и испытания на прочность характера человека.

На уровне структурной организации пословицы демонстрируют характерные синтаксические модели — антитезу, параллелизм, противопоставление, что усиливает выразительность и способствует запоминанию. Семантический анализ выявил наличие как прямых, так и переносных значений ключевых компонентов: мороз, холод, зима функционируют одновременно в буквальном и символическом регистрах. Образность паремий строится на метафорах, сравнениях, символах, что придаёт зиме черты одушевлённого, действующего персонажа. В культурном аспекте зима связана с крестьянским укладом, православной традицией, философией терпения и принятия неизбежной цикличности жизни.

Таким образом, можно констатировать, что паремии с компонентом «зима» выполняют не только коммуникативную, но и аксиологическую функцию: они транслируют опыт поколений, закрепляют мировоззренческие и культурные установки. Разработанный в рамках данного исследования алгоритм анализа показал свою эффективность и может быть использован для лингвокультурологической работы в процессе преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Примечания

- ¹ Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. EDN: UKCOEJ.
- ² Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
- ³ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
- ⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

Anastasiia Krizanovska, Marina Yu. Zhukova, Saint Petersburg State University, Russia

STEREOTYPICAL REPRESENTATIONS OF WINTER IN RUSSIAN PAROEMIAS: CULTURAL AND STRUCTURAL ASPECTS

The article analyzes stereotypical representations of winter reflected in Russian paroemias. A four-stage algorithm is proposed for analyzing structural, semantic, figurative and cultural components. The study reveals the key features of the concept of winter in the Russian linguistic worldview and its connection to national cultural attitudes.

Keywords: paroemias; proverbs; winter; stereotype; linguistic worldview; cultural linguistics.

Ян Маньлин

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

st121857@student.spbu.ru

РУССКИЕ ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются методические аспекты преподавания русских возвратных глаголов в китайской аудитории. Автор анализирует основные трудности, возникающие у китайских студентов при усвоении данной грамматической категории, обусловленные отсутствием прямой аналогии в родном языке. Подробно разбираются шесть семантических групп возвратных глаголов и предлагаются пути их презентации в китайской аудитории с учётом языковой интерференции.

Ключевые слова: возвратный глагол; русский язык как иностранный; китайские студенты; языковая интерференция; классификация возвратных глаголов.

Иностранные студенты, изучающие русский язык в российских вузах, на протяжении всего периода обучения сталкиваются с большим количеством трудностей различного характера¹. Многие из них связаны с усвоением глагольной системы русского языка, в частности с усвоением возвратных глаголов. Трудности у китайских студентов вызывают разнообразие конструкций с соотносительными возвратными и невозвратными глаголами, сложные синтаксические связи, возникающие при добавлении постфикса *-ся*, многообразие лексических значений этой группы глаголов². Это свидетельствует об актуальности изучения факторов, затрудняющих усвоение возвратных глаголов в китайской аудитории.

В российской лингвистической литературе представлены разные классификации возвратных глаголов (В. В. Виноградов, В. В. Иванова, О. В. Чагина, А. А. Шахматов, В. А. Янко-Триницкая, В. Н. Вагнер, Е. А. Нивина др.). Для использования в учебных целях наиболее удобной является классификация Е. А. Нивиной, основанная на концепции В. Н. Вагнер, но при этом ее расширяющая. В ней выделяются 6 групп возвратных глаголов:

- собственно-возвратные;
- взаимно-возвратные;
- пассивно-качественные;
- общевозвратные;

- безличные возвратные глаголы;
- глаголы, не употребляющиеся без постфикса *-ся*³.

Исходной точкой настоящего исследования послужило положение о том, что одной из главных трудностей при изучении возвратных глаголов китайскими студентами является отсутствие аналогичной категории в их родном языке. В китайском языке нет эквивалентной категории возвратных глаголов, образуемых с помощью постфикса. Для выражения рефлексивных действий в нем, как правило, используются специальные местоимения или конструкции с глаголами, не имеющими определённой грамматической формы⁴.

Опираясь на эти положения, мы рассмотрели все шесть групп русских возвратных глаголов в сопоставлении с их китайскими аналогами. Представим результаты исследования.

1. В классификациях, представляющих возвратные глаголы и их особенности в современной грамматике, всегда имеются глагольные единицы собственно-возвратной семантики⁵ (например, *одеваться*, *умыться*, *причёсываться*).

В китайском языке, однако, отсутствует грамматическая категория возвратности в её формально выраженном виде. Для обозначения действия, направленного на самого себя, используются аналитические конструкции, включающие возвратное местоимение 自己 (*zìjǐ*, ‘сам’), которое, в отличие от русского постфикса, выступает в качестве самостоятельного компонента предложения. Например, русское предложение *Он умывается* будет переведено на китайский язык как 他洗自己 (*tā xǐ zìjǐ*) или 他洗脸 (*tā xǐ liǎn*, досл. ‘он моет лицо’), где наличие или отсутствие возвратного компонента определяется не формой глагола, а контекстом. Это существенное различие между двумя языками приводит к определённым трудностям в процессе обучения. Китайским студентам сложно воспринимать постфикс *-ся* как самостоятельную грамматическую единицу, которая имеет различные значения в зависимости от контекста. Следовательно, при обучении этой группе возвратных глаголов необходимо объяснять семантическое значение собственно-возвратных глаголов. В качестве эффективного приёма можно использовать упражнения на сопоставление парных предложений, содержащих соотносительные переходные и возвратные глаголы. Например:

Упражнение. Прочитайте предложения. Восстановите их, выбрав из скобок глагол с постфиксом *-ся* или без него в нужной форме.

1. Отец (мыть — мыться) ребёнка.
2. Он (мыть — мыться).

3. Она (причёсывать — причёсываться) дочку.
4. Она быстро (причёсывать — причёсываться).

2. Возвратные пассивно-качественные глаголы в русском языке используются для выражения пассивных значений (например, *сломаться*, *загрязниться*), что также не имеет прямых аналогов в китайском языке. В китайском языке подобного грамматического способа выражения пассивности не существует. Для обозначения пассивных значений в китайском языке применяются аналитические конструкции, наиболее типичной из которых является конструкция с глагольным постфиксом 被 (*bèi*). Например, предложение *Дверь закрыта ветром* на китайском языке будет переведено как 门被风关上了 (*mén bèi fēng guān shàng le*), где 被 выполняет функцию грамматического маркера пассивности. Кроме того, могут, использоваться и другие синтаксические средства, такие как конструкция 让, 给, 叫 + **субъект + глагол**, но все они требуют обязательного указания действующего лица или причины.

Отсутствие в китайском языке формальных аналогов русским возвратным пассивно-качественным глаголам приводит к тому, что китайские студенты испытывают значительные трудности при восприятии и употреблении таких форм. Эти трудности носят как формальный, так и концептуальный характер. Во-первых, студенты часто не умеют различать грамматический субъект и реального производителя действия. Например, в предложении *Дом строится строителями* студент может ошибочно принять дом за активного агента действия. Во-вторых, существенные затруднения вызывает употребление творительного падежа без предлога для выражения агенса в пассивных конструкциях, что является типичной нормой русского языка (например, *Окно открылось ветром*).

Таким образом, для преодоления трудностей китайских студентов при изучении возвратных пассивных глаголов можно:

- 1) систематически сопоставлять русские страдательные конструкции с китайскими (например, объяснить, что конструкция с 被 (*bèi*) выражается в русском страдательной конструкцией с возвратным глаголом: *Окно закрывается*);
- 2) выделять роли субъектов и реальных субъектов (например: *вечеринка организуется всем фирмой*).

3. В русском языке возвратные глаголы используются не только для выражения действия, направленного на самого субъекта, но также и для обозначения взаимных действий, совершаемых двумя или более участниками. К числу таких глаголов относятся, например, *встретиться*,

обняться, поздороваться, поссориться, попроситься и др. Эти формы указывают на двустороннее взаимодействие, происходящее между субъектами, и обладают чётко выраженной семантикой взаимности. Так, в предложении *Они встретились в кафе* возвратный глагол *встретились* подразумевает, что оба участника действия приняли в нём участие и это действие направлено друг на друга.

В китайском языке, напротив, не существует специальных возвратных глаголов с взаимным значением. Выражение аналогичных смыслов требует использования аналитических конструкций, в состав которых, как правило, входят взаимные местоимения (например, 互相 *hùxiāng*, 彼此 *bǐcǐ*) или двухкомпонентные глаголы. Например, для перевода русского предложения *Они обнялись* на китайский язык необходимо использовать конструкцию типа 他们互相拥抱了 (*tāmen hùxiāng yōngbào le*), где взаимность передаётся с помощью наречия 互相. Таким образом, отсутствие формальной категории возвратных глаголов в китайском языке делает восприятие и употребление русских взаимных конструкций довольно трудным для китайских студентов и требует от них глубокого понимания контекста.

Знакомство с русскими возвратными глаголами целесообразно организовать в процессе изучения винительного падежа. При введении возвратных глаголов, соотносящихся с переходными, следует акцентировать внимание студентов на их семантической и структурной взаимосвязи, демонстрируя на примерах, как изменяется структура и смысл высказывания в зависимости от выбора той или иной глагольной формы.

Что касается остальных групп (общевозвратные; безличные возвратные глаголы; глаголы, не употребляющиеся без постфикса -ся), то в китайском языке их аналоги вообще отсутствуют, и это позволяет предполагать, что эти глаголы требуют особых комментариев в процессе обучения.

Рассмотрим в качестве примера некоторые виды упражнений, которые могут быть использованы при изучении этих групп возвратных глаголов на занятиях по РКИ в китайской аудитории.

Упражнение 1. Прочитайте предложения. Сравните употребление глаголов с постфиксом -ся и без него.

Люди начинают работать в 8 часов.	Работа начинается в 8 часов.
-----------------------------------	------------------------------

Мы закончили урок в 5 часов.	Урок закончился в 5 часов.
------------------------------	----------------------------

Руководитель решил продолжить проект.	Проект продолжился.
---------------------------------------	---------------------

Такси остановился у входа в Мариинский театр.	Водитель остановил машину у входа в Мариинский театр.
---	---

Антон вернул книгу коллеге.

Антон вернулся домой.

Молодой человек поднял диван
на седьмой этаж.

Вы можете подняться
на лифте.

Упражнение 2. Дайте синонимичные конструкции, используя возвратные глаголы.

1. **Статья рассказывает** о проблемах экологии.
2. Иностранные студенты **хотят** посетить Эрмитаж.
3. Она **не спала** всю ночь.
4. **Новости сообщают**, что в регионе ожидаются сильные дожди и шторм.

Упражнение 3. Выучите следующие глаголы и составьте с ними предложения.

Бороться, бояться, гордиться, здороваться — поздороваться, казаться — показаться, ложиться, любоваться, надеяться, нравиться — по нравиться, заботиться, оставаться — остаться, ошибаться — ошибиться, пользоваться, появляться — появиться, просыпаться — проснуться, садиться, случаться — случиться, соглашаться — согласиться, сомневаться, стараться — постараться, стремиться, улыбаться — улыбнуться.

В процессе обучения следует учитывать, что значения, выражаемые многими возвратными глаголами, в китайском языке передаются другими средствами. Необходимо привлекать данные сопоставления русских возвратных глаголов с их китайскими аналогами в процессе их презентации и комментировать ошибки, которые могут допустить студенты при выполнении грамматических упражнений.

Следует отметить, что результат обучения иностранному языку зависит от многих факторов, одним из которых являются психологические барьеры, возникающие у учащихся в процессе освоения новой иноязычной реальности⁶. Следовательно, в процессе преподавания необходимо принимать во внимание тот факт, что успешность овладения иностранным языком во многом определяется не только лингвистическими, но и психологическими факторами, в частности — наличием внутренних барьеров, возникающих у обучающихся при столкновении с непривычными для них грамматическими явлениями. Как отмечает Н. Н. Самчик, «структурные и семантические особенности русских возвратных глаголов вызывают у китайских студентов опасения, что эти сложные грамматические явления невозможно усвоить»⁷. Известно, что студенты из восточных стран стараются не употреблять в своей речи такие явления из-за боязни допустить ошибки.

Таким образом, трудности в усвоении возвратных глаголов в китайской аудитории обусловлены не только структурными и семантически-

ми особенностями этой группы глаголов, но также расхождениями в системах русского и китайского языков и психологическими факторами. Всё это требует от преподавателя комплексного подхода, включающего как лингводидактические, так и психолого-педагогические стратегии, направленные на формирование устойчивых навыков употребления возвратных глаголов в иноязычной речи.

Примечания

- ¹ Дмитриева Д. Д. Особенности работы над возвратными глаголами на занятиях по русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2 (31). С. 68.
- ² Корчик Л. С. Некоторые типичные устойчивые ошибки в речи китайских студентов на занятиях по русскому языку // Полилингвильность и транскультурные практики. 2010. № 4. С. 107.
- ³ Нивина Е. А. Изучаем возвратные глаголы. Тамбов: ТГТУ, 2014. С. 92.
- ⁴ Корчик Л. С. Указ. соч. С. 108.
- ⁵ Петрова Л. Г., Елфимова А. В., Шевченко Н. Н. Обучение иностранных студентов глагольной системе русского языка: классификация возвратных глаголов // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–3. С. 187.
- ⁶ Самчик Н. Н. Психологические барьеры при изучении русского языка как иностранного // Карельский научный журнал. 2019. № 4 (29). С. 71.
- ⁷ Там же.

Yang Manling, *Saint Petersburg State University, Russia*

RUSSIAN REFLEXIVE VERBS AGAINST THE BACKGROUND OF THE CHINESE LANGUAGE: METHODOLOGICAL ASPECT

The article examines methodological aspects of teaching Russian reflexive verbs to Chinese learners. The author analyzes the main difficulties Chinese students face in mastering this grammatical category, which stem from the lack of a direct analogue in their native language. Six semantic groups of reflexive verbs are discussed in detail, and methods for presenting them to Chinese audiences, taking into account language interference, are proposed.

Keywords: reflexive verb; Russian as a foreign language; Chinese students; language interference; classification of reflexive verbs.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева С. В., Богданова-Бегларян Н. В.

Паузы хезитации в ходе спонтанного чтения:
функции и причины появления
(на материале русской речи китайцев) 3

Богданова К. А., Данилов А. В.

Функционально-семантические свойства
звукоподражательных слов (на материале произведений
детской художественной литературы) 15

Бузальская Е. В.

Роль энтимемы в структуре современной лекции 25

Ван Хунянь

Отрицательные конструкции в научном тексте как материал
для обучения иностранных студентов (уровень В2) 35

Волкова М. А., Любимова Н. А.

Интонационное оформление эмоционального значения
сомнения в общем вопросе носителями русского языка 40

Дай Юньфан

Нарушения правил порядка слов в русских словосочетаниях:
экспериментальное исследование в китайской средней школе 50

Захарова М. Ю., Цховребов А. С.

Пацелляция как средство выражения
эмоционального подтекста: структурно-семантический аспект 56

Золотарёва Д. А., Ганапольская Е. В.

Волонтерство: каким мы его видим
(по материалам ассоциативного эксперимента) 64

Калязина И. А., Хруненкова А. В.

Паремиологические единицы категории «будущее»
в русской лингвокультуре 73

Крыжановская А., Жукова М. Ю.

Стереотипные представления о зиме в русской паремике:
лингвокультурологический
и структурно-семантический аспекты 80

Ян Маньлин

Русские возвратные глаголы на фоне китайского языка:
методический аспект 86

Научное издание

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

Выпуск 36

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. *Е. И. Зиновьева*,

д-р филол. наук, проф. *Н. А. Любимова* (отв. ред.),

д-р пед. наук, проф. *Л. В. Московкин*, д-р филол. наук, проф. *Т. И. Попова*,

д-р филол. наук, проф. *К. А. Рогова*, канд. филол. наук, доц. *М. С. Шишков* (отв. секр.)

ISBN 978-5-6045236-8-1



9 785604 523681

ISSN 2499-9903



9 772499 990001 >

Оригинал-макет

М. С. Шишков

Подписано в печать 28.08.2025.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60×90 1/16.

Усл. печ. л. 6. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

Издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА
ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

Выпуск 36

ISBN 978-5-6045236-8-1



9 785604 523681